

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КИРГИЗЪ.

Судоустройство и судопроизводство.

I.

Обычное право киргизъ сложилось подъ вліаніемъ кочевого образа жизни и родового устройства киргизъ. Присутствіе внѣшняго посторонняго вліанія если и сказывается въ этомъ правѣ, то оно было неглубоко и скорѣе выражается отрицательнымъ образомъ. Внѣшнія вліанія, изъ которыхъ главными нужно считать вліаніе магометанской религіи и русскаго закона, дѣйствовали сравнительно очень короткое время и способствовали вмѣстѣ съ измѣнившимися условіями жизни лишь колебанію прочно установившагося правоваго порядка, внося въ него очень немного созидających началъ.

Изслѣдователямъ исторіи киргизъ не удалось установить время принятія киргизами магометанства, но можно по многимъ даннымъ предполагать, что распространеніе этой религіи началось среди нихъ не ранѣе конца XVI или начала XVII вѣка нашей эры, слѣдовательно, сравнительно не очень давно. Но, чтобы вполне понять сравнительную ничтожность вліанія магометанства на обычное право киргизъ, необходимо упомянуть объ отличительной чертѣ этого народа, отмѣченной и подчеркнутой съ поразительнымъ единодушіемъ безъ исключенія всѣми наблюдавшими быть киргизъ. Это—ихъ удивительный индифферентизмъ къ религіи. Правда, въ самое послѣднее время, благодаря болѣе живымъ и тѣснымъ связямъ съ Средней Азіей, въ особенности—Бухарой, центромъ мусульманскаго фанатизма, замѣтно усиливается вліаніе муллъ въ степи, но это обстоятельство лишь объясняетъ тѣ заимствованія изъ шаріата, которыя можетъ отмѣтить изслѣдователь современнаго права киргизъ. Въ своихъ основныхъ

чертахъ однако право это незыблемо, существуетъ съ самыхъ давнихъ временъ и носить на себѣ явственные слѣды самостоятельно сложившагося порядка—продукта тѣхъ условій жизни, въ которыхъ находился столѣтія киргизскій народъ. Намъ въ особенности приходится подчеркивать эту мысль въ виду того, что нѣкоторые изслѣдователи магометанскаго права (шаріата) высказываются противъ существованія обычнаго права у мусульманъ. Такъ, баронъ Торнау въ своемъ сочиненіи «Особенности мусульманскаго права» (Дрезденъ 1880 г.) говоритъ: «Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ—для послѣдователей ученія Ислама дѣйствуетъ и имѣетъ законную силу—одно право: право Шеріата... дѣйствіе особаго обычнаго права, при существованіи Шеріата, не допустимо по воззрѣнію мусульманскихъ законовѣдцевъ». Можетъ быть это вѣрно по отношенію къ туркамъ, персамъ и другимъ народамъ, у которыхъ Коранъ пустилъ крѣпкіе и прочные корни, у которыхъ религія Магомета сдѣлалась основнымъ началомъ, проникшимъ всѣ проявленія народной жизни. Но по отношенію киргизъ это совершенно несправедливо. Какъ въ своей домашней жизни киргизы не соблюдаютъ предписаній Корана, допуская сравнительно большую свободу для женщинъ, которыя никогда, на примѣръ, не закрываютъ своего лица, какъ это требуется «правовѣрными», такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ они руководствуются гораздо больше своими древними обычаями, носящими на себѣ слѣды древняго родоваго устройства и древнихъ религіозныхъ воззрѣній, господствовавшихъ у киргизъ до принятія ими магометанства. Обычное право киргизъ живетъ въ памяти народа, выраженное въ многочисленныхъ юридическихъ пословицахъ, которыя поражаютъ изслѣдователя своимъ обиліемъ. Происхожденіе этихъ пословицъ приписывается обыкновенно или хану Тявкѣ, или какому либо другому хану или бію, выдающемуся по своей мудрости и справедливости. Но конечно — многіе изъ нихъ очень древняго происхожденія и составились значительно ранѣе Тявки.

Русское вліяніе на обычное право киргизъ также не отличается своей силой. Непосредственное вліяніе русскихъ порядковъ на складъ жизни киргизъ началось очень недавно: въ Малой Ордѣ—лишь съ 1868 г., въ Средней—нѣсколько раньше, именно около 1838 г.—но было поверхностно вплоть до того же 1868 г., а въ Большой Ордѣ—проявилось и того позже. Въ такое короткое время даже очень крутая ломка не можетъ пересоздать вѣками сложившійся и приспособленный къ потребностямъ жизни общественный строй народа, не можетъ изгладить характерныхъ чертъ этого строя. Русское же вліяніе

въ степи до сихъ поръ было совершенно чуждо логикѣ вѣковыхъ устоевъ народной жизни. До 1838 г.—въ Средней и до 1868 г.—въ Малой Ордахъ киргизы были совершенно независимы въ своей внутренней жизни отъ вліянія русскаго закона. Въ нѣкоторыхъ областяхъ правовой жизни не киргизы, а русскіе приспособлялись къ юридическимъ воззрѣніямъ киргизъ. Такъ, напримѣръ, само правительство въ 50 годахъ прошлаго столѣтія узаконило баранту противъ киргизъ, какъ лучшее средство для воздѣйствія на кочевниковъ. Со времени введенія въ дѣйствіе «Временнаго Положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» 1868 г. русское вліяніе, конечно, усилилось, но тѣмъ не менѣе самая обширная область правовой жизни киргизъ осталась неприкосновенною. Только важныя уголовныя преступленія киргизъ, какъ убійство, грабежъ, разбой и т. п., судятся по русскимъ законамъ; всѣ же гражданскія дѣла между киргизами, а также уголовныя преступленія, включая сюда и кражи, разбираются народнымъ судомъ біевъ. Къ бійскому суду въ большинствѣ случаевъ обращаются и русскіе пограничные жители—казаки и крестьяне—въ своихъ дѣлахъ съ киргизами, хотя имъ и предоставлено право судиться по русскимъ законамъ.

Но если нѣтъ прямаго пути, посредствомъ котораго отражалось бы вліяніе Корана и русскаго закона на обычномъ правѣ киргизъ, то изъ этого нельзя дѣлать еще заключенія объ отсутствіи такого вліянія. Оно существуетъ благодаря тому, что обычное право киргизъ, сложившееся при другихъ условіяхъ народной жизни, часто совершенно не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ жизни. Благодаря этому, многія положенія древняго обычного права начинаютъ забываться, и біи или народные судьи киргизъ вынуждены бываютъ заимствовать свои правовыя положенія изъ другихъ источниковъ, т. е. главнымъ образомъ—изъ шаріата, а отчасти и изъ русскихъ законовъ.

Отмѣченныя нами вліянія—очень недавняго происхожденія и только сильнѣе поддерживаютъ существованіе самостоятельно развившагося обычного права киргизъ. Намъ остается еще упомянуть здѣсь о воззрѣніи, высказываемомъ извѣстнымъ изслѣдователемъ инородческаго права проф. Леонтовичемъ, въ корень подрывающемъ самостоятельное развитіе киргизскаго обычного права. Въ своемъ сочиненіи «Древній монголо-калмыцкій или айратскій уставъ взысканій» г. Леонтовичъ говоритъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, о томъ, что въ эпоху монгольскаго данничества у киргизовъ дѣйствовали древніе монгольскіе уставы; въ особенности по его мнѣнію къ киргизамъ могли при-

виться порядки, развитые «великой ясой» Чингиса. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Леонтовичъ приводитъ такіе черты «сходства» киргизскихъ законовъ съ древнимъ монгольскимъ правомъ, которыя при современномъ развитіи сравнительнаго обычнаго права должны считаться характеристическими особенностями права всѣхъ народовъ, стоящихъ на ступени родоваго устройства, и совершенно не способны служить доказательствомъ заимствованій, какъ, напримѣръ, обычай «само-суда» и «кровная месть», и т. п. Нѣтъ никакихъ сколько нибудь вѣс-кихъ доказательствъ заимствованія киргизами монгольскаго права; утверждать же такое заимствование а priori мѣшаетъ тотъ извѣст-ный фактъ, что киргизы были исконными врагами монголъ, и въ те-ченіе столѣтій вели съ ними самую ожесточенную борьбу. Правда, киргизы когда-то входили въ составъ полчищъ монгольскихъ завое-вателей, но входили въ нихъ не теряя своего родоваго устройства и независимости въ своей внутренней жизни.

II.

Правовыя нормы, относящіяся къ судоустройству и судопроизвод-ству, по необходимости претерпѣваютъ болѣе сильное вліяніе подъ давленіемъ русскихъ порядковъ. Эти нормы вообще тѣснѣ связаны съ организаціей управленія, съ общимъ строемъ администраціи и по-тому сильнѣе измѣнились. Судоустройство по необходимости должно было быть нормировано русскимъ закономъ, и эта нормировка, какъ мы увидимъ ниже, не избѣгла ломки стародавнихъ обычаевъ. Болѣе уцѣлѣли нормы судопроизводства, но и въ нихъ замѣтны отступле-нія отъ старины и именно тамъ, гдѣ древніе обычаи были обуслов-лены вполнѣ сложившимся родовымъ строемъ. Теперь родовой строй въ значительной степени пошатнулся, а вслѣдствіе этого пошатнулись или утеряли свой прежній характеръ такіе обычаи, какъ родовая защита нарушенныхъ правъ, заступничество рода за своего члена на судѣ и т. п. Въ виду этого мы будемъ вездѣ держаться истори-ческаго порядка изложенія, стараясь на основаніи собраннаго нами матеріала тщательно выдѣлять всѣ фазисы, черезъ которые прошелъ тотъ или другой обычно-правовой институтъ прежде чѣмъ развиться, или вѣрнѣе въ данномъ случаѣ сказать—прежде чѣмъ выродиться въ тѣ формы, въ которыхъ мы застаемъ его въ настоящее время.

Право суда съ древнѣйшаго времени принадлежало у киргизъ біямъ, султанамъ и ханамъ—тѣмъ же лицамъ, которые были облечены вла-

стью и въ дѣлахъ управленія. Раздѣленіе властей было неизвѣстно киргизамъ, какъ неизвѣстно оно всѣмъ народамъ, стоящимъ на ступени родового быта. Въ настоящее время это раздѣленіе существуетъ, но оно есть продуктъ русскаго вліянія, благодаря которому бій являются нынѣ лицами, облеченными исключительно судебными функціями, власть же административная сосредоточена въ низшихъ инстанціяхъ въ рукахъ аульныхъ и волостныхъ старшинъ. Въ вѣрности высказаннаго нами взгляда о значеніи біевъ въ прежнее время убѣждаютъ насъ отвѣты, полученные нами изъ разспросовъ стариковъ, равно какъ и свидѣтельства писателей, изучавшихъ бытъ киргизъ до покоренія ихъ русскими. Самое слово бій указываетъ на это, ибо происходитъ отъ глагола билейде, что значить управляю. Такъ Тишковскій говоритъ, что «киргизы называютъ владѣльцевъ своихъ біями. Иные бій имѣютъ отъ 10 до 20, иные отъ 20—30 улусовъ». То же самое говоритъ генералъ-маіоръ Броневскій въ своихъ «запискахъ», помѣщенныхъ въ Отеч. Зап. за 1830 г., апрѣль: «Бій есть начальникъ одного изъ родовъ—онъ управляетъ ауломъ, состоявшимъ изъ его родственниковъ.... Право на званіе бія есть наследственное. Бій вообще пользуются большею довѣренностью народа, нежели султаны, на которыхъ киргизы смотрятъ, какъ на пришельцевъ. Ауль или родъ составляетъ какъ бы одно семейство, дѣти и ближніе родственники суть подчиненные бія—старѣйшины въ родѣ. Роды таковыя бывають иногда довольно многочисленны. Есть даже цѣлыя волости, находящіяся подъ управленіемъ біевъ. Всякое дѣло по обоюднымъ жалобамъ киргизъ ими разбирается». Здѣсь Броневскій, кажется, смѣшиваетъ два рода біевъ, существовавшихъ прежде: мелкихъ біевъ, начальствовавшихъ надъ аулами и родовыхъ біевъ—завѣдывавшихъ цѣлымъ родомъ. По собраннымъ нами путемъ личныхъ разспросовъ свѣдѣніямъ, мелкіе бій избирались аксакалами своего отдѣленія или аула, родовые же бій избирались біями ауловъ, обыкновенно изъ родственниковъ умершаго родового бія. Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить интересный фактъ, очень богатый аналогіями въ древнемъ правѣ другихъ народовъ—это преобладаніе фактическаго начала при выборахъ надъ формальнымъ. Эта неопредѣленность формальнаго начала и была причиной разногласія изслѣдователей киргизскаго быта, относительно выборнаго начала у киргизъ. Нѣкоторые, какъ Красовскій, напр., совершенно отвергаютъ древность выборнаго начала у киргизъ по отношенію къ своимъ правителямъ, другіе же, какъ Левшинъ, признають это начало господствующимъ. Что оно было очень распространено, тому свидѣтельствомъ служитъ та осторожность, съ

которой приходилось русскому правительству относиться къ выборному началу у киргизъ въ то время, когда власть русскихъ еще недостаточно окрѣпла въ степи. Но существованіе выборнаго начала отнюдь не исключаетъ параллельнаго существованія и начала наследственности, и въ этомъ мы видимъ поразительное доказательство общности законовъ соціологіи. Какъ въ древней Руси выборное начало при замѣщеніи княжескаго престола сосуществуетъ съ началомъ наследственнымъ, такъ и у киргизъ выборы хановъ и бѣевъ временно уступаютъ мѣсто наследственности, чтобы при другихъ обстоятельствахъ: отсутствіи достойнаго наследника и т. п. снова сдѣлаться господствующимъ способомъ замѣщенія правителей. Аналогія можетъ быть продолжена и дальше. Тщетно мы будемъ искать въ киргизскомъ правѣ подробныхъ указаній состава выборныхъ собраній, опредѣленія способовъ выборовъ и тому подобныхъ формальныхъ началъ. Если въ собраніе отдѣленныхъ, мелкихъ бѣевъ, выбирающихъ родоваго бѣя, приходили «аксакалы» или старѣйшины въ родѣ (люди, уважаемые по своей старости и опытности) — они также становились выборщиками. Словомъ, не было строго установленнаго круга лицъ, избиравшихъ бѣевъ, почему и говорилось, что бѣи избираются «народомъ». Выборы обыкновенно сопровождались жертвоприношеніемъ, при которомъ торжественно закалывались лошадь или баранъ и читалось «бору» (молитва). Кромѣ мелкихъ и родовыхъ бѣевъ былъ еще въ прежнее время ордынскій бѣй. Послѣднимъ изъ такихъ бѣевъ въ Средней Ордѣ былъ Теленчи, умершій лѣтъ 70 тому назадъ.

Мы упомянули, что киргизы въ древности не знали раздѣленія властей, и что бѣямъ принадлежали какъ власть суда, такъ и власть управленія. Вѣроятно, въ древности, когда киргизы жили родовыми общинами, бѣи были единственной властью — властью, выросшею на почвѣ родоваго строя. Впослѣдствіи, когда киргизы стали входить въ составъ полчищъ среднеазіатскихъ завоевателей, у этого мирнаго, по своему характеру, племени появляется военная власть въ лицѣ хановъ, бывшихъ большею частью монгольскаго происхожденія. Съ этого времени начинается у киргизъ раздѣленіе властей на высшихъ ступеняхъ ихъ общественной іерархіи. Рядомъ съ ордынскимъ бѣемъ является власть хановъ, которые также пріобрѣтали значеніе мудростью своей при разборѣ родовыхъ распрей, хотя, главнымъ образомъ, были военачальниками. Со времени столкновенія киргизъ съ русскими ханская власть у нихъ крѣпнетъ. Ханъ является представителемъ народа въ его сношеніяхъ съ сосѣдями, и нѣкоторые ханы, какъ, напр., Ишимъ и Аблай въ Средней Ордѣ, имѣли власть неограничен-

ныхъ повелителей. Въ это время утверждается даже мысль о делегации судебной власти со стороны хана біямъ, и біи взыскиваютъ въ пользу хана извѣстный процентъ съ тяжущихся, подъ названіемъ «ханлыкъ».

Компетенція біевъ была также различна. Мелкіе біи, старѣйшины ауловъ, могли рѣшать только маловажныя гражданскія дѣла (самое большее—споръ о зимовкѣ) и мелкіе кражи. Баранту, разбой, убійство и большіе споры о калымѣ рѣшались родовымъ біемъ. Впрочемъ, эти дѣла могли рѣшаться и мелкими біями, но подъ условіемъ принадлежности обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ одному и тому же отдѣленію, подчиненному данному бію, и то это носило характеръ третейскаго рѣшенія, причемъ не могло быть назначено какое либо иное уголовное наказаніе, кромѣ штрафа.

Наоборотъ, не желающіе судиться у отдѣленнаго бія могли обращаться къ родовому, хотя бы и по маловажному дѣлу. Этотъ случай съ свойственной простонародному языку образностью нормированъ киргизской пословицей: «улькенъ казанга кайнейлонъ», т. е. хочу вариться въ большомъ котлѣ. Родовой біи не могъ уклониться отъ рѣшенія спора: «кельдемекъ баръ кетъ демекъ джокъ», т. е. можно призывать, но отогнать нельзя. Конечно, такое игнорированіе своего бія было обидой, нанесенной ему, и родовой біи считалъ своей обязанностью разобратъ, была ли причина такого игнорированія уважительною или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ онъ старался примирить тяжущихся съ ихъ біемъ, но послѣ рѣшенія дѣла, во второмъ случаѣ, т. е. признавая причину необращенія къ своему бію неосновательной, онъ воспрещалъ сторонамъ являться къ нему по дѣламъ, подсуднымъ ихъ бію. Кромѣ дѣлъ подсудныхъ по суммѣ иска или тяжести правонарушенія родовому бію, онъ представлялъ по отношенію къ дѣламъ, подлежащимъ разбору отдѣльных біевъ—вторую инстанцію суда. При этомъ интересно то обстоятельство, что если дѣло рѣшали два бія, съѣхавшись вмѣстѣ, по одному съ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ и не приходили къ соглашенію, то дѣло переходило на разсмотрѣніе родового бія, причемъ къ нему обращались уже сами біи, разбиравшіе дѣло, представляя собой тяжущіяся стороны. Для большей увѣренности въ безпристрастїи со стороны родового бія, дѣло излагалось передъ нимъ не конкретно, а гипотетически, въ видѣ проблемы. Но и компетенція родового бія была ограничена. Самымъ тяжелымъ наказаніемъ въ его рукахъ было разграбленіе аула виновнаго—кара, практиковавшаяся въ древности и характеризующая собой родовой

быть съ его круговой порукой членовъ рода ¹⁾. Смертная казнь и выселеніе изъ предѣловъ рода были не во власти родового бія. Эти наказанія нуждались въ санкціи всего народа.

Значеніе біевъ въ древности и отношеніе ихъ къ прежде существовавшей ханской власти выразилось въ слѣдующихъ не лишенныхъ характеристики пословицахъ: «Акъ сункаръ—данъ ханъ булса алтынъ тугуръ бій буларъ», т. е. если ханъ бѣлый соколъ, то золотымъ сѣдалищемъ ему долженъ быть бій, и другая: бійдынъ бійлеге джуртунъ бирлеге — калтынъ бирлеге кананъ тирлеге», т. е. бійство у біевъ послужить къ единогласію народа, отъ единогласія народа зависитъ существованіе хана.

Не можемъ не остановиться на разборѣ тѣхъ свѣдѣній о бійскомъ судѣ прежняго времени, которые приведены у Самоквасова въ его извѣстномъ сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Свѣдѣнія эти, добытыя официальнымъ путемъ, отличаются неполнотой, отсутствіемъ системы, а главнымъ образомъ, несогласіемъ съ истиной. По всей вѣроятности, причиной послѣдняго недостатка служатъ постороннія цѣли, которыя преслѣдовались лицами, составлявшими сборникъ «законовъ» киргизъ, а также малая подготовка лицъ, руководившихъ работами комитета, составленнаго изъ инородцевъ, не понимавшихъ, чего отъ нихъ требуютъ. Мы рѣшаемся высказать такое мнѣніе на основаніи того, что многія свѣдѣнія, сообщаемыя Самоквасовымъ, расходятся: 1) съ изслѣдованіями Левшина, Загряжскаго, Бялютека и др., 2) съ нашими личными разспросами киргизъ, при чемъ мы имѣли между прочимъ спеціальную цѣль провѣрить данныя, сообщаемыя Самоквасовымъ, и, наконецъ, 3) съ тѣми выводами, которые мы получили путемъ пересмотра нѣсколькихъ тысячъ подлинныхъ рѣшеній біевъ и ихъ сѣздовъ. При разногласіи всѣхъ этихъ трехъ источниковъ съ свѣдѣніями Самоквасова, они совершенно согласны другъ съ другомъ, что и даетъ намъ право указывать въ дальнѣйшемъ изложеніи замѣченныя мною неточности въ сборникѣ почтеннаго профессора.

Совершенно невѣренъ весь § 9, которымъ начинается глава о судѣ и судьяхъ. «Судъ, говоритъ Самоквасовъ, составляется изъ одного почетнаго бія, имѣющаго преклонныя лѣта, а оный уже собираетъ тоже достойныхъ до 6 человекъ киргизовъ; всѣ они разбираютъ дѣло и совѣтуются; но бію, какъ предсѣдателю, даютъ первенство въ сужденіи, и тѣмъ рѣшаются какія бы то ни были дѣла». Этотъ случай поло-

¹⁾ Ср. «дикую виру» Русской Правды.

жительно неизвѣстенъ киргизамъ. Правда, ханомъ Тауки (Тявки) учреждено было, по народнымъ преданіямъ, собраніе изъ семи биевъ, какъ высшее судилище. Но оно и дѣйствовало только при этомъ ханѣ. По коренному же обычаю киргизъ всякое дѣло рѣшали не больше двухъ биевъ, причемъ если они не приходили къ единогласному рѣшенію, то шли къ третьему, которыми обыкновенно былъ родовой бій. Этотъ третій назывался «тюбебагы». Съѣзды большого количества биевъ есть нововведеніе, неизвѣстное древнему праву. Бій, правда, можетъ призвать совѣтниковъ изъ не биевъ по своему усмотрѣнію, но это бываетъ только по исключенію; число совѣтниковъ обычаемъ не нормируется и роль ихъ вовсе не та, которая приписывается имъ Самоквасовымъ. Они *никакого* рѣшающаго голоса не имѣютъ. При важныхъ спорахъ стороны приглашали каждая, съ своей стороны, по бію, которые присутствовали при разборѣ дѣла родовымъ биемъ, играя роль защитниковъ въ процессѣ. Такъ было при извѣстномъ теперь еще памятномъ киргизамъ спорѣ двухъ большихъ родовъ—Табуклинцевъ и Конджагалинцевъ. Бій представители или защитники слѣдятъ за тѣмъ, чтобы главный бій-судья рѣшилъ его согласно обычаямъ, чтобы всѣ доказательства, благопріятныя его сторонѣ, были приняты во вниманіе, чтобы были спрошены тѣ или другіе свидѣтели и т. п. Бій, рѣшающій дѣло, обыкновенно, передъ рѣшеніемъ спрашиваетъ этихъ защитниковъ, что они могутъ сказать или дополнить къ тому, что происходило на судѣ. Удовлетворивъ заявленію этихъ защитниковъ, бій, рѣшающій дѣло, раньше, чѣмъ постановить свой вердиктъ, обращается къ нимъ обыкновенно съ просьбой, не могутъ ли они, будучи свидѣтелями всего происходившаго на судѣ, содѣйствовать примиренію. Если это удастся—составляется мировая («джарасу»), въ противномъ случаѣ бій произноситъ свой вердиктъ. Оригинально для «юридическаго» сборника постановленіе, высказанное въ § 15, гласящее «что если судья неправо рѣшитъ дѣло, то отвѣчаетъ Богу въ будущемъ вѣкѣ». Это совершенно невѣрно. Ханы за неправое рѣшеніе обыкновенно исключали бію и наказывали его штрафомъ,—разумѣется, если правосудіе было намѣренное и вызвано недобросовѣстными мотивами.

Насколько противорѣчиво составленъ «Сборникъ» Самоквасова, видно изъ сопоставленія только что приведеннаго § 15 съ послѣдующимъ § 18. Послѣдній гласитъ: «Если судья рѣшитъ дѣло несправедливо, но безъ намѣренія и хитрости, *штрафу на него не полагается*». Значитъ, въ противномъ случаѣ, вопреки § 15, штрафъ полагается!? Не трудно видѣть мотивъ, руководившій составителями Сборника при написаніи 15-го параграфа. Отвѣчая на запросъ русскаго правитель-

ства, киргизы, дававшіе отвѣты, очевидно, желали отстоять самостоятельность бійскаго суда отъ посягательства русской власти и, можно полагать, умышленно искажали отвѣты о своихъ правовыхъ обычаяхъ.

III.

Нынѣшній судъ біевъ у киргизъ многимъ разнится отъ только что описаннаго. Онъ нормированъ русскимъ закономъ, т. е. «временнымъ положеніемъ» 1868 г., согласно которому біямъ присвоена исключительно судебная власть, безъ всякаго различія въ компетенціи однихъ біевъ передъ другими. Согласно «положенію», въ каждой волости ²⁾ выбирается имъ отъ 4 до 8 біевъ. Выборъ біевъ производится, одновременно съ выборомъ волостнаго управителя, каждые три года волостными съѣздами, на которые собираются по одному представителю съ каждыхъ 50 кибитокъ, по выбору кибитковладѣльцевъ. Волостные съѣзды открываютъ свои дѣйствія въ присутствіи представителя русской администраціи—уѣзднаго начальника или его помощника. Хотя законъ и запрещаетъ этимъ послѣднимъ вмѣшиваться въ выборы, но невмѣшательство ихъ въ дѣйствительности является только исключеніемъ. Выбираются тѣ, кто получилъ большее количество избирательныхъ шаровъ. Біемъ можетъ быть выбранъ всякій киргизъ, пользующійся уваженіемъ и довѣріемъ народа, не опороченный по суду, не находящійся подъ слѣдствіемъ и достигшій 25-лѣтняго возраста. Выбранные въ біи утверждаются губернаторомъ, при чемъ жалованья имъ *никакого* не полагается, но они имѣютъ право получать за рѣшеніе дѣлъ особый штрафъ съ виновнаго («бійлыкъ»); установленный народными обычаями штрафъ этотъ по имущественнымъ искамъ не долженъ быть опредѣляемъ выше десятой части стоимости иска; подсудность тому или другому бію опредѣляется мѣстомъ причисленія отвѣтчика. Именно, при несогласіи сторонъ на третейское разбирательство, при наличности котораго стороны могутъ обращаться къ кому они желаютъ, безразлично—состоитъ-ли это лице въ званіи бія или нѣтъ,—истецъ долженъ обращаться съ просьбой къ бію той волости, въ которой состоитъ отвѣтчикъ, но и только. Выборъ же между біями одной и той же волости предоставляется усмотрѣнію истца.

Судъ біевъ производится гласно, публично, по народнымъ обычаямъ.

²⁾ Положеніемъ 1868 г. значительно разрушено прежнее родовое начало, уступивши мѣсто территоріальному. Орды киргизъ раздѣлены на волости, включающія въ себя отъ 1000 до 2000 кибитокъ. Волости подѣлены на аулы, состоящіе изъ 100—200 кибитокъ.

Біи рѣшаютъ дѣла цѣнностью не свыше 300 р., но рѣшенія ихъ окончательныя только по дѣламъ до 30 р. Для рѣшенія дѣлъ болѣе 300 р. назначаются періодически волостные съѣзды біевъ, на которыхъ обязаны присутствовать всѣ біи волости. Эти же съѣзды служатъ второй инстанціей для дѣлъ свыше 30 р., рѣшенныхъ отдѣльнымъ біемъ. Время и мѣсто этихъ съѣздовъ назначается уѣзднымъ начальникомъ. Волостные съѣзды имѣютъ право рѣшать дѣла на всякую сумму, но рѣшенія ихъ окончательны лишь по дѣламъ до 500 р.

Для рѣшенія дѣлъ между нѣсколькими волостями одного уѣзда, по распоряженію уѣзднаго начальника, по мѣрѣ надобности, созываются чрезвычайные съѣзды. Они же представляютъ собой вторую инстанцію суда для дѣлъ выше 500 р., рѣшенныхъ волостными съѣздами. Изъ компетенціи народнаго суда, какъ выше уже замѣчено, исключаются важныя уголовныя преступленія киргизъ, какъ убійства, грабежи, измѣна и т. п. Оригинальному ограниченію подлежатъ также дѣла брачныя: они подлежатъ въ первой инстанціи суда народному суду. Но недовольная сторона можетъ обращаться съ жалобой къ уѣздному начальнику, который и рѣшаетъ дѣло. Такое изъятіе установлено съ тою цѣлью, чтобы смягчить грубость обычаевъ киргизъ, игнорирующихъ въ этомъ дѣлѣ желанія брачущихся—ихъ согласіе. Разумѣется, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ вмѣшательство администраціи мало помогаетъ смягченію нравовъ и создаетъ скорѣе новыя затрудненія.

Изъ предложеннаго описанія судопроизводства, нормированнаго русскимъ закономъ, читатель легко увидитъ, съ какой осторожностью относился законодатель къ правовымъ обычаямъ киргизъ, какъ тщательно онъ избѣгалъ ломки вѣками сложившагося правоваго строя подвластнаго народа. Однако ему не удалось вполне избѣгнуть этой ломки. Не имѣя возможности предоставить народному суду киргизъ важныя уголовныя правонарушенія, онъ подчинилъ ихъ русскому дореформенному суду, гдѣ канцелярскій порядокъ, отсутствіе устности, гласности и публичности процесса, къ которому привыкли киргизы, мало содѣйствуютъ распространенію уваженія къ русскому суду. Уничтоживъ затѣмъ должности родовыхъ біевъ, законодатель учредилъ бійскіе съѣзды, которые если и представляютъ нѣкоторое отступленіе отъ обычая, то вполне оправдывались бы потребностью жизни, если бы не были подвержены въ дѣйствительности слишкомъ сильному вліянію администраціи. Самые выборы біевъ, лишенные той опоры, которую они прежде имѣли въ родовомъ устройствѣ киргизъ и въ томъ обстоятельствѣ, что біи были вмѣстѣ и родовыми старѣй-

щинами,—приводятъ къ тому, что этой должности добиваются какъ доходной статьи, которая предоставляется лицами, имѣющими вліяніе на народъ и стремящимися къ должности волостныхъ управителей—своимъ приверженцамъ, очень часто совершенно лишеннымъ качествъ, необходимыхъ для судьи.

Благодаря этому правовые обычаи быстро забываются. Не кодифицированные, сохраняющіеся лишь въ памяти стариковъ, они мало знакомы современнымъ біямъ, выбраннымъ по соображеніямъ, вовсе не гарантирующимъ за ними знанія народныхъ обычаевъ. Поставленные въ матеріальную зависимость отъ количества и размѣровъ рѣшенныхъ исковъ біи стараются плодить тяжбы и, назначая себѣ въ «бійлыкъ» 10% не съ суммы присужденнаго иска, а съ суммы заявленной истцомъ претензіи, способствуютъ увеличенію этой суммы. Правда, и прежде біи не получали жалованья и въ ихъ пользу былъ назначенъ 10% съ суммы иска, но эти 10% назначались только въ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ обычаями, родахъ исковъ, какъ то въ дѣлахъ о кражахъ, личныхъ оскорбленіяхъ и другихъ правонарушеніяхъ, при которыхъ полагается и извѣстный % въ пользу хана—«ханлыкъ». Теперь же, пользуясь разрѣшеніемъ «положенія», біи смотрятъ на бійлыкъ, какъ на гонораръ, и назначаютъ его при всѣхъ безъ исключенія родахъ исковъ.

Кромѣ того, прежде біи вовсе не были въ такой матеріальной зависимости отъ этого сбора. По обычаямъ киргизъ, біи, бывши вмѣстѣ и родоначальниками, получали все отъ членовъ рода натурой. «Каптынъ учунъ туганыхъ—джумысынъ капъ клады», говорятъ киргизы, т. е. кто родился для народа (для управленія народомъ), для того долженъ работать народъ.

Изложенныя временныя условія, среди которыхъ теперь приходится развиваться киргизскому обычному праву и которыя приводятъ, съ одной стороны, къ постепенному забвенію старыхъ обычаевъ, съ другой—къ нововведенію, обусловленному вліяніемъ магометанской религіи и русскаго закона, вызываютъ правотворящія силы народа на работу съ цѣлью закрѣпить обычай на бумагѣ и также сгладить нововведенія, приспособить ихъ къ условіямъ жизни и возрѣніямъ народа. Эти стремленія выразились въ одномъ институтѣ, который при умѣлой поддержкѣ можетъ дать самыя хорошіе результаты: мы говоримъ объ установившемся обычаѣ на каждомъ чрезвычайномъ съѣздѣ біевъ, прежде начала разбора подлежащихъ дѣлъ, условливаться о коренныхъ началахъ судопроизводства, подлежащихъ примѣненію на этомъ съѣздѣ. Этотъ любопытный обычай, примѣненный къ новому

явленію въ области судопроизводства, вызванному русскимъ закономъ. чрезвычайнымъ съѣздомъ біевъ, носить, однако, на себѣ всѣ слѣды очень глубокой древности. Въ немъ выражается древній взглядъ на судъ, какъ на третейское разбирательство. И если мы припомнимъ, что на съѣздѣ являются бии, выбранные въ равномъ числѣ каждой изъ сторонъ въ процессъ, подлежащемъ суду съѣзда, то эта выработка общихъ началъ судопроизводства получаетъ въ нашихъ глазахъ характеръ «соглашенія» двухъ борющихся сторонъ, соглашенія, которое создаетъ общую почву, необходимую для рѣшенія спора, и безъ которой это рѣшеніе становится невозможнымъ.

Такое соглашеніе носить названіе «иридже», которое, вырабатываясь передъ каждымъ съѣздомъ, записывается и является закономъ, но закономъ обязательнымъ только для даннаго съѣзда.

Бывшій военный губернаторъ Семипалатинской области Циклинскій задумалъ воспользоваться этимъ для того, чтобы заставить киргизъ кофидицировать хотя-бы главнѣйшіе изъ своихъ обычаевъ. Онъ собралъ съѣздъ выборныхъ біевъ со всей области урочища Чары и поручилъ имъ составить «иридже», только такое, которое было бы обязательно не только для даннаго съѣзда, но и для послѣдующихъ. Хотя эта попытка не получила дальнѣйшей санкціи, но она все-таки заставила выборныхъ біевъ совместно выработать «иридже», которымъ мы и будемъ пользоваться въ числѣ прочихъ матеріаловъ для нашего изложенія.

Здѣсь нужно замѣтить только о тѣхъ постановленіяхъ съѣзда, которыя относятся къ судопроизводству и которыя трактуютъ о составѣ самихъ съѣздовъ. Чарскій съѣздъ біевъ всей области по этому вопросу постановилъ, чтобы на чрезвычайныхъ съѣздахъ бии избирались самими тяжущимися, т. е. каждая изъ сторонъ выбирала бы своихъ біевъ, число которыхъ, согласно «временному положенію», должно опредѣляться начальствомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы стороны не назначали болѣе трехъ. Избранію біевъ долженъ предшествовать третейскій судъ. Если тяжущіеся откажутся отъ третейскаго суда или соглашенія между ними не состоится, то они избираютъ біевъ. Такъ какъ біевъ при такомъ порядкѣ всегда четное число (поровну съ каждой стороны), то возможно, что они не придутъ къ соглашенію. Для такихъ случаевъ бии каждаго уѣзда, участвующаго на съѣздѣ, должны выбрать одно лицо, называемое «тюбе-басы», которыми могутъ быть всѣ «почетныя» лица, все равно, числятся ли они біями или нѣтъ. Если при рѣшеніи дѣла возникнутъ разногласія, то бии обязаны пригласить двухъ «тюбе-басы» подлежащихъ уѣздовъ, а если

и эти лица не приведутъ къ соглашенію, то между «тюбе-басы» остальныхъ уѣздовъ кидается жребій, и вынувшій жребій принимаетъ участіе въ рѣшеніи дѣла, давая своимъ голосомъ перевѣсъ. На съѣздахъ же одного уѣзда выборный уѣздный «тюбе-басы» приглашается біями при разногласіи и разрѣшаетъ споры.

Изъ изложеннаго легко усмотрѣть, что у киргизъ, рядомъ съ бійскимъ судомъ, существовалъ и существуетъ судъ третейскій, фаворизируемый народными обычаями. Къ несчастью, объ его устройствѣ въ древнее время ничего не извѣстно; теперь же онъ всегда состоитъ изъ одного человѣка, выбираемаго по соглашенію обѣихъ сторонъ. Здѣсь любопытно различіе, которое проглядываетъ между гражданскими и уголовными правонарушеніями, обыкновенно не различаемыми обычаями. Именно третейскимъ судомъ могутъ рѣшаться только первые (споры о тамырствѣ, калымѣ и т. п.). Кромѣ этихъ двухъ судовъ, у киргизъ еще существуетъ судъ родственниковъ, который разбираетъ ссоры и правонарушенія, случившіяся въ предѣлахъ одного родового союза. Въ противоположность бійскому суду, судъ родственниковъ не гласный, ибо ссоры среди бійскихъ родныхъ не должны выходить наружу. На это свойство суда родственниковъ и указываетъ пословица, которая говоритъ, что «ссора родственниковъ разбирается въ темнотѣ, ссора супруговъ на постелѣ (карындасъ есе карангда хатынъ есе дуастыкъ—та)».

На судѣ родственниковъ рѣшались ссоры между родственниками, а также между родственникомъ-обидчикомъ и обиженной стороной—посторонней, если послѣдняя согласна отдать свое дѣло на разбирательство родственниковъ обидчика. Въ прежнее время, если обидчикъ малолѣтній, обиженный, хотя-бы и не принадлежащій къ родовому союзу, обязанъ былъ обращаться къ суду родственниковъ, но теперь этотъ обычай не практикуется и обращаются за удовлетвореніемъ къ суду біевъ. На судѣ родственниковъ собираются всѣ «аксасалы»—ближніе родственники отвѣтчика. Онъ имѣетъ характеръ увѣщательный, но имѣетъ власть налагать и наказанія (штрафы и сѣченіе кнутомъ). Прежде никакія жалобы на этотъ судъ не допускались, но теперь бій, хотя и рѣдко, принимаютъ эти жалобы къ своему разбору, выполнѣ, однако, признавая компетентность суда родственниковъ. Такъ, въ одномъ рѣшеніи чрезвычайнаго съѣзда Семипалатинскаго уѣзда за 1884 г. отвѣтчикъ ссылается, что уже судъ родственниковъ истца вырѣшилъ дѣло и обязалъ его уплатить такую то сумму. Съѣздъ постановилъ провѣрить свидѣтелями лишь фактъ того, что судъ родственниковъ былъ, и если это подтвердится,—оставить рѣшеніе этого суда въ силѣ.

Кромѣ указанныхъ видовъ суда, у киргизъ въ древнее время былъ еще судъ народа, рѣшавшій вопросъ о важныхъ наказаніяхъ: изгнаніи и смертной казни. Составъ этого суда не былъ строго опредѣленъ и обыкновенно состоялъ изъ родоправителей, съѣхавшихся вмѣстѣ и разбиравшихъ дѣло по существу. Рѣшеніе должно было быть, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ единогласное.

IV.

До введенія Временнаго Положенія 1868 г. отвѣтчики вызывались самими біями по словесному заявленію истца. Особыхъ людей для разѣздовъ бій не держалъ, а посылалъ по своему усмотрѣнію посланца, расходъ которому уплачивалъ истецъ. Расходъ этотъ назывался «атмай котмай». Только при большихъ искахъ о кунахъ и дѣлахъ о барантѣ выбирались биемъ по 2 человека, на которыхъ возлагалась обязанность по вызову сторонъ, взысканію штрафовъ и т. п. исполнительныя дѣйствія. Расходъ, уплачиваемый этимъ двумъ лицамъ, носилъ особое названіе: «джуримъ—она». Такимъ же образомъ вызывались и свидѣтели, если они вызывались по усмотрѣнію самого бія, въ противномъ случаѣ они доставлялись сторонами. Если отвѣтчикъ по зову бія не желаетъ явиться добровольно,—его привлекали силой даже связаннаго. Если онъ уѣзжалъ съ цѣлью уклониться отъ суда,—привлекали вмѣсто него кого нибудь изъ членовъ его семьи. При такомъ порядкѣ заочныхъ рѣшеній разумѣется быть не могло. Моими разспросами не подтвердился § 34 Сборника Самоквасова о киргизскихъ обычаяхъ, гдѣ говорится, что отвѣтчикъ вызывался трижды и притомъ вызывался повѣстками. Повѣстокъ никакихъ не было, и сила употреблялась и послѣ перваго отказа прибыть на судъ. Срокъ явки зависѣлъ и теперь зависитъ отъ бія, но также никогда онъ не былъ опредѣленъ такъ, какъ это означено въ указанномъ Сборникѣ—25 верстъ въ сутки. Одно это указываетъ на то, что писавшіе Сборникъ плохо знали бытъ киргизъ, для которыхъ лишь разстояніе въ 100—150 верстъ можетъ показаться достаточнымъ для дневнаго переѣзда.

Опредѣленнаго знака посыльный отъ бія не носилъ. Но его знали и словамъ его вѣрили, потому что злоупотребленіе именемъ бія считалось оскорбленіемъ послѣдняго, и виновный платилъ отъ одного до трехъ «тогузовъ» штрафу (тогузъ=9 гол. скота). Теперь по Временному Положенію, введенному раздѣленіе власти, всѣ вызовы на судъ дѣлаются по требованію биевъ волостными управителями, при чемъ

начинають входить въ употребленіе и заочные приговоры. На упомянутомъ уже Чарскомъ съѣздѣ бій постановили: «Неявка отвѣтчика удостоверяется старшиной или управителемъ. Уважительность причины неявки разсматривается судомъ. Если судъ признаетъ неявку уважительной, то рѣшеніе должно быть отсрочено, въ противномъ случаѣ постановляется заочное рѣшеніе. Заочное рѣшеніе одиночнаго бія и волостнаго съѣзда неокончательное. Копія съ него предъявляется отвѣтчику черезъ старшину и волостнаго управителя. Если отвѣтчикъ доволенъ рѣшеніемъ, оно входитъ въ законную силу, если недоволенъ — обязанъ обжаловать *въ двухнедѣльный* срокъ тому же бію, который разсматривалъ дѣло въ первый разъ. Нечего говорить, о томъ, что это постановленіе сдѣлано подъ прямымъ вліяніемъ русскаго закона о заочныхъ рѣшеніяхъ.

Неявка отвѣтчика вслѣдствіе уклоненія отъ суда влечетъ признаніе притязаній противной стороны. Въ выбранныхъ мною рѣшеніяхъ записано слѣдующее рѣшеніе волостнаго съѣзда Зайсанскаго приставства за 1882 годъ, по прошенію киргизки Манрыновской вол. Ботаевой на брата своего киргиза Акпектинской вол. Исмаила Ботаева о неотдачѣ ей приданого: истицѣ было отказано въ искѣ; «такъ какъ киргизка Ботаева, говорится въ рѣшеніи, на нѣсколько вызововъ не явилась и довѣренности не прислала, то просьбу ея мы, бій, считаемъ ложной».

Представительство со стороны истца и отвѣтчика всегда допускалось. Прежде довѣренность не требовалось, но нужно было, чтобы довѣритель явился лично къ бію и заявилъ бы, что поручаетъ говорить за себя другому. Теперь начинается брать верхъ формальное начало, и бій стали требовать довѣренности письменной, засвидѣтельствованной киргизскими властями. Естественное представительство допускалось и допускается со стороны отвѣтчика брата—за сестру, или брата и отца за сына; со стороны истца отецъ и братъ могли быть естественными представителями только тогда, когда они неотдѣлены. Мужъ всегда былъ естественнымъ представителемъ жены: замужняя женщина въ судъ не допускается. Впрочемъ, въ послѣднее время случаются исключенія изъ этого правила. Въ случаѣ представительства со стороны отвѣтчика взысканіе всегда налагается на представителя, а не на лицо представляемое, за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній; тоже самое при представительствѣ со стороны истца: искъ присуждается въ пользу представителя, а не представляемого. Эта особенность киргизскаго права прямо указываетъ на то, что институтъ представительства выросъ на почвѣ родственной защиты,

при которой какъ самъ истецъ или отвѣтчикъ, такъ и его представитель-родовичъ были въ сущности на судѣ не самостоятельными субъектами правъ и обязанностей, а представителями рода.

У.

Переходя къ изложенію доказательствъ, принимаемыхъ на судѣ биевъ, нужно замѣтить объ одномъ свойствѣ суда киргизъ, о которомъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже, именно, о раздѣленіи процесса на два періода: періодъ состязанія, и періодъ доказыванія. Большая часть дѣлъ, рѣшаемыхъ судомъ биевъ, рѣшаются альтернативно. Выслушавъ заявленія сторонъ и принявъ къ свѣдѣнію приводимыя имъ доказательства, бій рѣшаютъ, что если доказательства эти подтвердятъ то-то — рѣшеніе такое-то, если нѣтъ — рѣшеніе другое.

Если доказательствами являются свидѣтельскія показанія, если личный осмотръ, то назначается лицо, большею частью — бій, который долженъ произвести указанные судьей дѣйствія; если же доказательствомъ служить самое популярное у киргизъ средство — присяга, то время, мѣсто ея и лице, обязанное приводить къ присягѣ (мулла), назначаются биемъ и затѣмъ споръ самъ собой рѣшается по результатамъ этой присяги.

Хотя громадное большинство дѣлъ рѣшается у биевъ присягой, но слабость этого способа доказательства сознается киргизами. У нихъ сложилась поговорка «джаманъ бій-джанга салабы, джаксы бій джаксыръ ганды табады», т. е. худой бій положить на присягу, а хороший бій (самъ) найдетъ скрытаго».

Но эта поговорка, очевидно, недавняго происхожденія и всѣ данныя, равно какъ и свидѣтельства прежнихъ изслѣдователей быта киргизъ одинаково приводятъ къ убѣжденію, что присяга всегда считалась лучшимъ способомъ доказательства, а прежде была, вѣроятно, единственнымъ. Не смотря на тщательныя изысканія и распросы намъ не удалось найти у киргизъ доказательствъ существованія въ ихъ процессѣ ордалій, хотя и утверждать объ ихъ отсутствіи въ древнемъ процессѣ киргизъ я не рѣшаюсь, въ особенности если приложить къ изслѣдованію вопроса о существованіи ордалій тотъ методъ, который прилагается г. Ковалевскимъ въ его изслѣдованіи «Современный обычай и древній законъ». «Если бы, говоритъ онъ по поводу существованія ордалій у осетинъ, мы относились повнимательнѣе къ нѣкоторымъ народнымъ выраженіямъ, то мы несомнѣнно открыли бы въ нихъ цѣлый рядъ данныхъ для палеонтологіи не одного языка,

но и всего общественного и юридического склада. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «я готовъ за тебя въ огонь и воду» не могли же возникнуть случайно. Необъяснимо было бы обращеніе народа къ этимъ именно образамъ прохожденія черезъ огонь и воду, если бы нѣкогда не рисовала ихъ передъ ними сама жизнь. Указанныя выраженія безсознательно употребляются нынѣ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ столѣтія назадъ они примѣнялись вполне сознательно на практикѣ, въ формѣ огневой и водной ордалій, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда. Однохарактерныя выраженія встрѣчаются и въ киргизскомъ языкѣ, а нѣкоторые древніе роды присяги еще яснѣе свидѣтельствуютъ о существованіи въ древности у киргизъ представленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыми порождены и ордаліи.

Поединокъ, какъ доказательство, существовалъ въ древности при родовыхъ распряхъ. При мелкихъ преступленіяхъ и въ гражданскихъ спорахъ онъ никогда не употреблялся. Но при большихъ родовыхъ распряхъ случалось, что сами бій, какъ «батыри», выходили на поединокъ.

Поединокъ происходилъ на народномъ оружіи: «саюлахъ»³⁾, айболтахъ⁴⁾ пикахъ и т. п.

Во время поединка кричали: «эсемъ-ыкъ белса худай джакъ болсунъ», т. е., если мое дѣло правое, то ему Богъ поможетъ!

Теперь въ процессѣ поединка не осталось, но при бояхъ, устраиваемыхъ на пиршествахъ, произносятся борющимися тотъ же возгласъ.

Присяга въ киргизскомъ правѣ какъ нельзя больше подтверждаетъ мнѣніе г. Ковалевскаго о томъ, что присяга является въ сущности вырожденіемъ ордалій. Она совершалась въ древнее время при условіяхъ, ясно свидѣтельствующихъ объ испытаніи, которому подвергается себя присягатель. Подкрѣпленіемъ этому мнѣнію служитъ уже самое раздѣленіе присяги на виды, сообразно ея важности. Самымъ легкимъ видомъ присяги считался выходъ присягателя передъ истцомъ и произнесеніе слѣдующихъ словъ: «менъ утрке джанъ берсенъ лине худой ультерсенъ хатынъ нымъ саганъ камынъ его ганга джанъ алсанъ сене худай ультерсынъ катынъ-нынъ маганъ халсынъ», т. е. если я за неправого присягаю—пусть Богъ убьетъ меня; жена моя останется вамъ, если же за правду я присягаю—Богъ пусть убьетъ тебя; жена твоя останется мнѣ. Болѣе тяжелый видъ присяги—это

3) Сяюль—длинная палка съ большимъ утолщеніемъ на концѣ.

4) Айболта—палка съ желѣзнымъ топорикомъ на концѣ.

клятва на могилѣ какого нибудь знатнаго киргиза: присягатель долженъ былъ трижды обойти сопку, на которой находится могила съ камнемъ на головѣ. Наконецъ третій и самый тяжелый видъ присяги происходилъ слѣдующимъ образомъ: присягателя омывали, какъ покойника, надѣвали на него саванъ, заворачивали въ бѣлую кошму и несли на сопку. Теперь всѣ эти виды присяги совершенно оставлены и она совершается всегда по магометанскому закону надъ Кораномъ.

Присяга самый популярный способъ доказательства на судѣ биевъ и до сихъ поръ носить на себѣ явственные слѣды родственной защиты на судѣ. Присяга бываетъ двухъ родовъ: очистительная (со стороны отвѣтчика) и подтвердительная (со стороны истца). Первая употребляется въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вторая лишь по исключенію. Очистительная присяга назначается теперь обыкновенно такимъ образомъ. Бій опредѣляетъ кругъ лицъ, изъ которыхъ истецъ долженъ выбрать присягателя (одного или нѣсколькихъ) для дачи присяги въ виновности или невинности отвѣтчика. Кругъ лицъ и число присягателей назначается биемъ, смотря по важности дѣла. Прежде этотъ кругъ лицъ были родственники отвѣтчика. Это тотъ же институтъ соприсяжничества, который мы встрѣчаемъ у столь многихъ аріійскихъ и неаріійскихъ племенъ. Теперь, когда родовое начало у киргизъ начало уступать началу территоріальному, этотъ кругъ лицъ опредѣляется тѣмъ административнымъ отдѣломъ, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ: десятствомъ, а большею частью пятидесятствомъ. Чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ больше и кругъ этихъ лицъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ указать на одну особенность киргизскаго обычая соприсяжничества, которое еще разъ и притомъ очень рѣшительно подкрѣпляетъ мнѣніе объ этомъ институтѣ извѣстнаго антрополога Вайца, въ противоположность мнѣнію Дана и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, которые видятъ въ соприсяжникахъ съ самаго начала однихъ только пособниковъ присягателя, призванныхъ придать доказательную силу его присягѣ своимъ ручательствомъ. У киргизъ *никогда* не присягаетъ отвѣтчикъ, а всегда лицо, состоящее съ нимъ въ одномъ десятствѣ или пятидесятствѣ по выбору истца, причемъ отвѣтчику представляется право отвода до выбора не болѣе двухъ человекъ. Присягатель не есть свидѣтель «доброй славы» отвѣтчика, онъ не удостоверяетъ своей присягой, какъ это существовало у аріійцевъ, что данное лицо по своему поведенію *не можетъ* совершить даннаго правонарушенія; нѣтъ, онъ прямо удостоверяетъ, что оно его не совершило. Для этого присягателю приходится самому стать

судьей и путемъ разспросовъ и изслѣдованій обнаружить истину. Разумѣется, сдѣлать это ему не такъ трудно, благодаря связямъ сосѣдства, а большею частью и родства съ отвѣтчикомъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ присяга является тяжелой повинностью, отъ которой стараются избавиться, и у киргизъ установилась привилегія для извѣстныхъ лицъ, избавляющая ихъ отъ возложенія на нихъ присяги. «Акка джанъ берсень-га айранъ дай джугаръ», говоритъ киргизская пословица, т. е. не присягай даже за правду, потому что можетъ запачкаться какъ отъ айрана ⁵⁾. «Акъ добалса джанъ берше азъ даболса малъ беръ», т. е. хотя бы за правду не присягай, а откупись скотомъ даже въ томъ случаѣ, если у тебя его мало.

Прежде привилегія освобожденія отъ обязанности быть присягатедемъ касалась только ордынскихъ биевъ и султанскихъ родовъ. Теперь всѣ бии и волостные управители пользуются такой привилегіей. Но присяга тяжела не только для присягавшаго, а и для противной стороны, которая обязана присутствовать при принятіи очистительной присяги. Прежде истецъ никогда не присутствовалъ при присягѣ выбраннаго имъ присягателя со стороны отвѣтника, но для этого выбиралось извѣстное лицо изъ роду истца. Это лицо называлось «каичи», и оно также нравственно отвѣчало въ томъ случаѣ, если соглашалось присутствовать при присягѣ, очищающей невиннаго отвѣтника. Вотъ почему у киргизъ говорятъ, что присяга присягателя и для того, кто ея вынуждаетъ («джанъ айганга да, бергенге де бердей и ике джитде шиакъ дай»). Мы говорили, что чѣмъ больше дѣло, тѣмъ больше и кругъ лицъ, изъ которыхъ должны быть выбраны присягатели и тѣмъ больше число этихъ послѣднихъ. Въ рѣшеніяхъ биевъ это прямо мотивировано. Такъ въ рѣшеніи чрезвычайнаго съѣзда Семипалатинскаго уѣзда 1884 г., № 65, за убійство очистительная присяга возложена на 6 человѣкъ, въ то время какъ въ мелкихъ дѣлахъ она возлагается на одного. Въ другомъ рѣшеніи того же съѣзда при искѣ въ 900 р. присяга возложена на трехъ человѣкъ, «потому что сумма иска велика», а въ рѣшеніяхъ № 120 также три человѣка, «потому что искъ давній».

Въ «иридже» чарскаго съѣзда прямо постановлено—«число присягателей бываетъ по дѣламъ 0 кунѣ ⁶⁾ за мужчину 4 человѣка, по дѣламъ 0 кунѣ за женщину 2 человѣка, по всѣмъ прочимъ дѣламъ 1 человѣкъ. При назначеніи нѣсколькихъ присягателей интересно по-

⁵⁾ Айранъ—питіе киргизъ, смѣсь молока съ водой.

⁶⁾ Кунъ—штрафъ за убійство.

становленіе обычнаго права, что искъ присуждается въ части, соотвѣтствующей числу очистившихъ присягой отвѣтчика изъ общаго числа назначенныхъ на присягу. Такъ если назначено 4 человека и одинъ не присягнулъ и не очистилъ, слѣдовательно, отвѣтчика, а 3 присягнули, то истцу присуждается $\frac{1}{4}$ часть иска. На женщинъ и несовершеннолѣтнихъ очистительная присяга не возлагается. Совершеннолѣтній сынъ, хотя бы и не отдѣленный, можетъ присягать, также можетъ и находящійся въ услуженіи, но не за своего хозяина. Срокъ присяги ничѣмъ не опредѣленъ, и назначается съ тѣмъ расчетомъ, чтобы отвѣтчикъ успѣлъ дать присягателямъ доказательства своей невинности. Поэтому на срокъ присяги вліяетъ какъ степень удаденности отвѣтчика отъ присягателя, такъ и степень важности и запутанности дѣла. Но совершенно невѣрно замѣчаніе г. Баллюзека, что самый короткій срокъ присяги бываетъ три дня (Зап. геогр. общ., 1871, II, 65). Я могъ бы привести массу бійскихъ рѣшеній, гдѣ срокъ присяги назначается на другой и даже въ самый день разбора дѣла.

Подтвердительная присяга со стороны истца, но ни въ какомъ случаѣ не на самого истца, возлагается въ двухъ случаяхъ: 1) когда у истца есть доказчикъ и 2) когда у отвѣтчика нѣтъ волости, т. е. когда имъ является человекъ пришлый. Первый случай собственно сюда не относится, потому что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ совершенно особый институтъ, средній между присягой и свидѣтельствомъ, институтъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Во второмъ же случаѣ бѣи опредѣляютъ кругъ лицъ, но уже со стороны истца, изъ которыхъ *отвѣтчикомъ* долженъ быть выбранъ присягатель. Вѣроятно, прежде такіе случаи бывали чаще. Когда очистительная присяга возлагалась на родственниковъ отвѣтчика, всякій не пребывающій въ предѣлахъ своего рода былъ пришлецомъ. Теперь не то. Родственное начало уступило территоріальному, и пришлый человекъ, осѣвшій на новомъ мѣстѣ, является членомъ того отдѣленія, въ которомъ онъ находится болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, напр., въ одномъ рѣшеніи сѣзда 1881 г. мы встрѣчаемъ назначеніе присяги «изъ рода» такого-то, вовсе не рода отвѣтчика. Отвѣтчикъ принадлежитъ къ Чаганской волости, отстоящей довольно далеко отъ города Семипалатинска, а живетъ въ киргизской части этого города, которую занимаетъ и назначенный къ присягѣ родъ. Въ мотивѣ къ такому опредѣленію прямо сказано, что назначеніе это дѣлается, потому что отвѣтчикъ живетъ въ городѣ.

Если истецъ представляетъ отъ себя постороннее лицо, которое

береть на себя обязанность доказать виновность отвѣтчика, то на это лицо и возлагается присяга. Лицо это называется доказчикомъ (по киргизски «аигакъ»). Очевидно, такимъ лицомъ можетъ быть или свидѣтель преступленія или лицо, собравшее свѣдѣнія отъ свидѣтелей, почему мы и считаемъ себя въ правѣ поставить этотъ институтъ какъ средній между присягой и свидѣтельскимъ показаніемъ. Впрочемъ, въ киргизскомъ правѣ есть нѣсколько такихъ переходныхъ ступеней отъ присяги къ свидѣтелямъ, въ томъ смыслѣ какъ понимаются свидѣтельскія показанія въ нашемъ правѣ. Въ этомъ последнемъ смыслѣ свидѣтели спрашиваются на народномъ судѣ очень рѣдко, потому что очень рѣдко судъ рѣшаетъ дѣло сразу, выводя свое заключеніе изъ данныхъ, добытыхъ при разборѣ. Большею частью, если есть свидѣтели правонарушенія—на нихъ и возлагается присяга, которую они должны дать уже послѣ суда, и сообразно которой дѣло принимаетъ тотъ или другой исходъ.

Свидѣтелями могутъ быть только благонадежныя лица. Женщины къ свидѣтельству допускаются, но лишь съ извѣстными ограниченіями, которыя, вѣроятно, и ввели въ заблужденіе авторовъ собранія киргизскихъ законовъ, помѣщенныхъ у Самоквасова, когда они категорически отрицаютъ способность женщинъ быть свидѣтелями на судѣ біевъ (§ 48). Именно до 60 - лѣтняго возраста женщины въ судѣ къ бію не вызываются, но допрашиваются біемъ на дому или біи ограничиваются спросомъ довѣренныхъ отъ женщинъ лицъ, большею частью ихъ естественныхъ представителей. Позже 60-ти лѣтъ женщины вызываются въ судѣ къ бію. «Жена не спрашивается, мать спрашивается», говоритъ народная пословица: («хатынь сураль-масъ, она сураль ларъ»). Вѣроятно, надо считать эту пословицу имѣвшею буквальный смыслъ въ древности, когда, при твердости родовыхъ устоевъ, естественно, могли свидѣтельствовать лишь лица правоспособныя, т. е. главы семействъ, и, слѣдовательно, изъ женщинъ лишь вдова, имѣвшая дѣтей и дѣлавшаяся главою семьи. Теперь киргизы толкуютъ свою пословицу въ смыслѣ подтвержденія вышеприведеннаго обычая допускать въ судѣ только тѣхъ женщинъ, которыя достигли 60-лѣтняго возраста. Они говорятъ, что женщины старѣе 60-ти лѣтъ считаются какъ бы способными быть только матерью, и что въ этомъ смыслѣ и надо понимать слово «мать» въ означенной поговоркѣ; свидѣтельское показаніе женщины равносильно $\frac{1}{2}$ свидѣтельскаго показанія мужчины, т. е. противъ одного свидѣтеля мужчины должны быть двѣ свидѣтельницы женщины. Прежде совершеннолѣтіе для свидѣтеля было 15 лѣтъ, нынѣ—18. Рабы безусловно не допускались къ сви-

дѣтельству, какъ не допускались и къ присягѣ. Находящіеся въ услуженіи не могутъ быть свидѣтелями только въ дѣлахъ противъ своего хозяина.

Для полнаго доказательства требуется показаніе двухъ свидѣтелей въ маловажныхъ дѣлахъ, и четырехъ—въ дѣлахъ болѣе важныхъ. На мои разспросы относительно того, что въ сборникѣ Самоквасова сказано, будто для полнаго доказательства надо показаніе трехъ свидѣтелей, мнѣ отвѣчали, что это обычаями никогда не устанавливалось и вошло въ сборникъ, вѣроятно, изъ «шаріата», въ которомъ имѣется изреченіе изъ Корана, что Богъ любитъ счетъ нечетный. Если обѣ стороны выставили свидѣтелей, то дѣло рѣшается въ пользу той, у которой свидѣтелей оказалось больше. Но предварительно сторонѣ съ меньшимъ числомъ свидѣтелей дается право лично или черезъ доверенное лицо произвести свидѣтелямъ противной стороны перекрестный допросъ, съ цѣлью сбить свидѣтелей въ ихъ показаніяхъ. Отводъ свидѣтелей допускается лишь по уважительнымъ причинамъ, каковыми считаются: 1) вражда («кастеко»), 2) дружба или родство («достекъ»), 3) умственная неспособность («джастыкъ») и 4) завѣдомая лживость свидѣтеля или худая слава о немъ («мастыко»⁷⁾). Сравнивая роль присяги и свидѣтельскаго показанія на народномъ судѣ киргизъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что хотя значеніе присяги значительно упало въ послѣднее время, и въ сознаніе народа уже проникаетъ мысль о негодности этого способа доказательства, оно все-таки преобладаетъ и является излюбленнымъ средствомъ обнаруженія истины. Изъ просмотрѣнныхъ мною рѣшеній съѣздовъ біевъ болѣе 80% рѣшено присягой. Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ прямо проглядываетъ предпочтеніе присягѣ изъ названныхъ двухъ родовъ доказательствъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ рѣшеніи истецъ ссылается въ доказательство своего иска на трехъ свидѣтелей, но бii присуждаютъ альтернативно, предоставляя право выбора отвѣтчику, либо очистить себя присягой черезъ выбранное истцомъ изъ одного пятидесятства лицо, либо подчиниться показанію свидѣтелей, которое они дадутъ также подъ присягой. Есть рѣшенія, въ которыхъ вовсе не обращается вниманіе на ссылку на свидѣтелей, сдѣланную сторонами, и дѣло владется на присягу.

Такое предпочтеніе одного способа доказательства передъ всѣми другими вызываетъ справедливую реакцію, вполне согласующуюся съ современными условіями жизни.

⁷⁾ Здѣсь слово это имѣетъ техническое значеніе. Въ обыденной рѣчи оно означаетъ глупость.

Прежде присяга имѣла громадное нравственное значеніе, но теперь, когда она происходитъ безъ атрибутовъ, наводившихъ суевѣрный страхъ на присягающаго, когда она дается не членомъ тѣснаго родоваго союза, навлекающимъ неправильной присягой своей позоръ на цѣлый союзъ, а лицомъ, связаннымъ съ отвѣтчикомъ лишь связью сосѣдства—теперь все чаще и чаще слышатся голоса, порицающіе этотъ способъ доказательства. Подъ вліяніемъ такой реакціи и составлены правила «иредже» на чарскомъ съѣздѣ, правила, по которымъ всякій бій и съѣздъ біевъ разрѣшаетъ дѣло на основаніи свидѣтельскихъ показаній, и если свидѣтель спрошенъ и далъ определенное показаніе, то бій обязанъ постановить рѣшеніе, не передавая на присягу.

Документы, какъ доказательство, являются нововведеніемъ, въ которомъ отразилось сильнѣе всего русское вліяніе. Прежде документовъ, какъ доказательства, на судѣ не существовало и они въ судѣ не принимались. Теперь они принимаются, причемъ требуется, чтобы они были засвидѣтельствованы должностными лицами, или удостовѣрены подписями 3-хъ свидѣтелей. Вексель принимается ко взысканію, причемъ, если отвѣтчикъ заявитъ сомнѣніе въ его подлинности, то назначается присяга. Само собой разумѣется, что съ вексельнымъ правомъ бій не справляются и не принимаютъ во вниманіе даже отводъ по 10-лѣтней давности. Въ одномъ рѣшеніи 1881 года предъявляется ко взысканію вексель, выданный въ 1864 г., и бій присудилъ взысканіе по немъ. Этимъ въ широкихъ размѣрахъ пользуются лица русскаго происхожденія, предъявляя просроченные векселя ко взысканію въ бійскій судъ и получая удовлетвореніе, зачастую по оплаченному уже векселю.

Оригинальное письменное доказательство встрѣчаемъ мы въ рѣшеніи того-же 1881 г. Обвиняемый въ кражѣ ссылагается на то, что можетъ достать удовлетвореніе отъ управителя въ своей невинности. Бій опредѣлили: обязать доставить удостовѣреніе къ такому-то числу, въ противномъ случаѣ считать виновнымъ.

Поличное, конечно, считается однимъ изъ лучшихъ доказательствъ: «Кеть-табула-сють-та-булмасъ» говорятъ киргизы, т. е. если отыщется поличное, не отыщется возраженія. Лицо, нашедшее свою украденную вещь у другаго, беретъ эту вещь и возлагаетъ обязанность на того, у котораго нашелъ вещь, доставить того, отъ котораго имъ эта вещь пріобрѣтена. Если это послѣднее лицо скрылось, то, доставивши удостовѣреніе объ этомъ, тотъ, у кого опознана вещь, долженъ дать очистительную присягу въ томъ, что добросовѣстно получилъ

вещь и тогда примѣняется извѣстный и русскому обычному праву⁸⁾ обычай «грѣхъ пополамъ»: потерпѣвшій принимаетъ вещь и платитъ тому, у котораго нашелъ ее, половину ея стоимости. Обязанность лица, у котораго опознана вещь, опредѣляется слѣдующей пословицей: «атъ устатканъ аза бацанъ кутуларъ эръ, устатканъ сыбегененъ кутуларъ», т. е. давшій опознаннаго коня освобождается отъ мученій, давшій человека, отъ котораго взялъ, освобождается отъ платежа.

При рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ и по личнымъ обидамъ и оскорбленіямъ бій должны стараться помирить стороны. Прежде объ этомъ старались при разборѣ большинства дѣлъ, но теперь бій не любятъ примиренія, ибо лишаются черезъ него «бійлыкъ» или 10% съ суммы иска. Мирова называется «берике». Это слово арабское и собственно значить «благословеніе». Берике налагаетъ обязанность непременно ее исполнить, и самъ бій наблюдаетъ за этимъ. Въ случаѣ неисполненія прибѣгается къ понудительнымъ мѣрамъ, но дѣло никогда не рѣшается.

Если примиреніе не состоится, бій приступаютъ къ рѣшенію, назначая обыкновенно, какъ выше уже было упомянуто, время, въ которое должны быть доставлены доказательства. Въ большинствѣ случаевъ такимъ доказательствомъ бываетъ присяга.

Здѣсь уместно упомянуть еще объ одномъ правовомъ институтѣ, называемомъ «сулукъ», — нѣчто въ родѣ извѣстнаго русскому обычному праву и уже упоминавшемуся нами обычаю «грѣхъ пополамъ», только относящемуся исключительно къ дѣламъ подлежащимъ доказательству послѣ постановки рѣшенія. Бій опредѣляютъ: положить на присягу съ тѣмъ, чтобы отвѣтчикъ очистилъ себя черезъ присягу одного человека, избраннаго истцомъ изъ пятидесятства отвѣтчика. Если присяга состоится, отвѣтчикъ свободенъ отъ иска, если нѣтъ — онъ долженъ уплатить всю сумму иска. Если же отвѣтчикъ пожелаетъ удовлетворить истца, не допуская до присяги, то платитъ «сулукъ» столько-то; обыкновенно назначается половина иска.

VI.

Исполненіе рѣшеній прежде всегда лежало на обязанности бія. «Бійлыкъ айтханъ біелись — битымъ, тапканъ бій буларъ» говорятъ киргизы, т. е. не будетъ біемъ тотъ, кто ограничится одной постановкой рѣшенія, но біемъ назовется лишь тотъ, кто и привелъ рѣшеніе въ исполненіе.

⁸⁾ См. Пахманъ, «Русское обычное право».

Теперь исполненіе рѣшеній біевъ по «Временному Положенію» возложено на управителей волостей, а въ Чарскомъ ириже постановленъ и срокъ, въ теченіе котораго исполненіе должно послѣдовать: мѣсячный—для рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда біевъ, трехнедѣльный—для волостнаго съѣзда и одна недѣля—для рѣшеній одиночныхъ біевъ.

Мы не можемъ окончить изложеніе способовъ защиты своего права, не упомянувъ объ обычаяхъ саморасправы, оставшемся какъ наслѣдіе древности, но всетаки довольно часто практикуемомъ и теперь.

Еще живы у киргизъ тѣ чувства и мысли, которыя заставляли ихъ предковъ силой возстановлять свое право, разъ оно кѣмъ либо нарушено. Еще до сихъ поръ, если киргизъ не можетъ найти удовлетвореніе у біевъ, что въ особенности часто бываетъ при большихъ родовыхъ спорахъ, въ которыхъ бій сами являются заинтересованными лицами,—онъ считаетъ своимъ долгомъ отомстить врагу «барантой» или угономъ скота.

На баранту должны идти родственники и друзья потерпѣвшаго. «Если есть храбрецъ въ твоёмъ родѣ—не останется твой искъ за чужимъ родомъ», говорятъ киргизы и считаютъ позоромъ, если кто не мститъ врагу изъ-за страха. Разумѣется такое насильственное возстановленіе своего права путемъ угона скота, нерѣдко сопровождающагося нападеніемъ на аулъ обидчика, влечетъ за собой месть, которая, распространяясь, охватываетъ иногда цѣлыя волости и нарушаетъ спокойствіе степной жизни. Всѣ усилія русской администраціи до сихъ поръ остаются тщетными въ этомъ отношеніи, а баранта и въ настоящее время имѣетъ въ глазахъ киргизъ что-то привлекающее, «молодеческое». Не даромъ пѣснь народная воспѣваетъ молодецкіе набѣги барантачей, и подвиги ихъ пріобрѣтаютъ широкую извѣстность въ степи! «Баранта»—это продуктъ степной жизни и не скоро еще уступитъ свое мѣсто прочно установившемуся правовому порядку.

А. Леонтьевъ.

КИРГИЗСКІЙ НАРОДНЫЙ СУДЪ.

„Это не судъ, а зудъ народный“,—обыкновенно выражаются у насъ, въ Степномъ краѣ, о киргизскомъ инородческомъ судѣ. О судѣ киргизскомъ, его достоинствахъ и недостаткахъ судятъ различно, но о самомъ судѣ, какъ совокупности формъ, обрядовъ, привычекъ, нѣтъ двухъ мнѣній: это возмутительный палеонтологическій остатокъ, вредный пережитокъ варварской эпохи, не имѣющій ничего общаго ни съ правосознаніемъ народа, ни съ нашими собственными интересами на далекой окраинѣ; въ концѣ концовъ, это просто партійная киргизская расправа, въ которой сильнѣйшій, на глазахъ у всѣхъ и подъ защитою власти, душитъ слабѣйшаго, расправа, возникшая вмѣстѣ съ появленіемъ въ степи ожесточенныхъ партійныхъ распрей и той общей неурядицы, отъ которой бѣдный народъ не освободился и по настоящее время.)

Грустно становится отъ такихъ отзывовъ о киргизскомъ народномъ судѣ тому, предъ кѣмъ раскрыты свѣтлыя страницы его далекаго прошлаго, когда въ тихомъ укладѣ патріархальной жизни онъ былъ столь же чистъ и правдивъ, какъ и сама жизнь. Въ современномъ киргизѣ крѣпко живутъ еще свѣтлыя преданія этого прошлаго; дѣлясь ими, онъ всегда приправитъ свой рассказъ то глубокимъ, тяжелымъ вздохомъ, то такими хорошими словами, отъ которыхъ станетъ грустно и не ему одному.

По этимъ преданіямъ, судъ тогда былъ простъ, совершался гласно, предъ всѣми, и устно, безъ всякихъ формъ и проволочекъ; вся позднѣйшая казуистика отсутствовала совершенно, никакихъ предустановленныхъ доказательствъ не существовало, клятва-при-

сяга хотя и встрѣчалась, но рѣдко, ибо признавалась актомъ весьма щекотливымъ; присягнуть, говорилъ киргизъ, это значитъ „джанъ бермекъ“, т. е. отдать душу; поэтому, если ему нельзя было избѣжать присяги никакими другими способами, онъ соглашался уплатить половину иска, чтобы только не присягать; такая плата называлась „джанъ садагасы“, т. е. выкупъ души. Кромѣ того, и судья, которому предлагали прибѣгнуть къ этому способу обнаруженія истины, часто обижался, видя въ этомъ какъ бы недовѣріе къ его судейской проницательности; въ такихъ случаяхъ онъ горделиво замѣчалъ: „джаманъ бій жанга саларъ“—плохой судья, который рѣшаетъ дѣло только присягой. Въ степи осталось отъ той эпохи нѣсколько родовъ, навсегда и съ общаго согласія освобожденныхъ отъ присяганія; конечно, это были роды, безупречно честные, неподкупно правдивые и весьма вліятельные.

Писанныхъ законовъ также не существовало, народъ судился по „адату“, т. е. стародавнимъ обычаямъ, хранителемъ, истолкователемъ и примѣнителемъ которыхъ было одно и то же лицо—„бій“, судья, свободно принятый народомъ, изъ среды мудрѣйшихъ и достойнѣйшихъ.

Народныя преданія не знаютъ ошибокъ такого судьи, изъ потемокъ далекихъ временъ ярко свѣтитъ киргизу образъ этого бія, строгаго и неподкупнаго, мудраго и участливаго, знакомаго со всей подноготною жизни каждаго изъ членовъ его группы. Такой избранникъ народа становился руководителемъ его жизни, его совѣсти; спокойно и торжественно произносилъ онъ всему свой безпристрастный приговоръ, обращавшійся съ этой минуты въ законъ, который могъ отмѣнить только одинъ ханъ, но и то лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и не по какому либо капризу, прихоти, а по совѣту съ мужами достойными и довѣріемъ народа облеченными.

Система личныхъ наказаній въ судѣ біевъ была построена, главнымъ образомъ, не на томъ, чтобы причинить судившемуся мученія, а на посрамленіи его передъ народомъ: осужденнаго сажали на нѣсколько часовъ „подъ три кола“, или подъ „кереги“ (рѣшетка юрты), на открытомъ мѣстѣ, дабы проѣзжіи и прохожіи могли видѣть его позоръ; стегали его публично („дре“), но безъ обнаженія тѣла, отграничивали на землѣ предъ ауломъ кругъ, въ которомъ оставляли виновнаго на нѣсколько часовъ, иногда сутокъ; наиболѣе же употребительными наказаніями были имуще-

ственные, разнаго рода штрафы (айб или аип) и выкупы крови (хуны) ¹⁾.

Такимъ сохранился въ памяти народной его стародавній судъ.

Но времена переменчивы; на фонъ чистой жизни скромнаго, пастушескаго народа появились мутныя пятна. Жажда власти и всесторонняго матеріальнаго преобладанія—этотъ ненасытный червь, вѣчно гложущій человѣка, на всѣхъ ступеняхъ его культуры, заползъ и въ тихій просторъ сонныхъ степей и создалъ тотъ новый порядокъ, который держится тамъ и по сей день: отдѣльные роды, вліятельные главари въ погонѣ за этими жестокими дарами жизни встали одинъ на другого, плодя вокругъ себя и смуту, и злобу, и горе; вся огромная дѣвственная степь, выдавшая на своемъ изумрудномъ, залитомъ солнцемъ просторѣ только мирно пасущіяся стада да кроткую библейскую фигуру пастуха, полагавашаго все свое счастье въ созерцательномъ покоѣ, отсутствіи желаній,—вдругъ всколыхнулась, взбаламутилась въ страшныхъ духовныхъ потемкахъ. Зависть и месть стали отнынѣ единственными возбудителями народныхъ силъ, и вчерашніе мирные сосѣди расходились по враждебнымъ становищамъ, готовые, по первому знаку своихъ владыкъ, броситься другъ на друга, въ безумной, стихійной злобѣ. Эта кровавая распря, протянувшись многіе годы и разстроивъ экономическія силы народа, въ то же время ослабила его духовно, надолго поставивъ преграды его дальнѣйшему развитію.

„Великолѣпной жемчужинѣ востока“, великому Чингис-хану удалось на время приглушить эти раздоры изъ-за первородства, но только на время: уже при его знаменитомъ внукѣ (если только не ранѣе) можно замѣтить ихъ прежнюю силу.

До чего эта жажда преобладанія и заносчивое, чванливое козырянье сильнаго передъ слабымъ опутали бѣднаго киргиза не только въ положеніи полудикаго, невѣжественнаго степняка, но и на высшихъ ступеняхъ европейскаго образованія, могъ бы слу-

¹⁾ Есть преданія и о болѣе суровыхъ наказаніяхъ въ ту пору, напр., плетью („дурра“) и даже смертью, но эти преданія до того затерты временемъ, до того несогласны и между собою и съ кроткимъ характеромъ пастушескаго народа, что правильнѣе будетъ предположить одно изъ двухъ: или что этихъ жестокихъ видовъ казни вовсе не было и рассказы о нихъ заимствованы изъ преданій сосѣднихъ народовъ, у которыхъ существованіе ихъ несомнѣнно, или же къ нимъ прибѣгали въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ къ чему-то совершенно несвойственному народному характеру и лишь временно заимствованному извнѣ, чаще всего у жестокоправныхъ коканцевъ.

жить указаніемъ слѣдующій, уже недавній примѣръ. На ярмаркѣ, юноша-киргизъ, сынъ знатнаго рода, только-что окончившій юридическій факультетъ Петербургскаго университета, проѣзжалъ по улицѣ во главѣ нѣсколькихъ всадниковъ, ближайшихъ клевретовъ его отца, изъ тѣхъ обѣднѣвшихъ выроdkовъ, которые, находясь въ полной экономической зависимости отъ такой степной акулы, всегда составляютъ то, что киргизъ громко величаетъ „партіа“, т. е. банду, готовую за него кинуться въ огонь и воду. На выборахъ это всегдашніе его голоса, а передъ выборами и послѣ—подставные свидѣтели, лжедоносители, барантаци, убійцы, словомъ,—все, что по ходу дѣла можетъ потребоваться ихъ владыкѣ. Теперь эти головорѣзы сопровождали недавно прибывшаго къ нимъ молодого—„таксыря“, въ качествѣ молодцевъ джигитовъ,—почетной его свиты. На встрѣчу юношѣ выѣхалъ другой, такой же отпрыскъ „бѣлой кости“—сынъ столь же славнаго степного паука. Первый юноша имѣлъ какія-то основанія почитать себя членомъ болѣе важнаго рода и потому имѣлъ необходимость, чтобы встрѣченный имъ отдалъ честь, поздоровался съ нимъ первымъ, но тотъ, вѣроитно, думалъ объ этомъ иначе и съ поклономъ не торопился. Такая непочтительность быстро взорвала юриста; принявъ заносчивую осанку, онъ спросилъ задорнымъ тономъ: „а съ какихъ это поръ у насъ такъ пошло, что сынъ Х не кланяется сыну У“. Второй юноша что-то буркнулъ въ томъ же задорно-небрежномъ тонѣ и продолжалъ свой путь. Этого первый уже не могъ перенести: еще гдѣ либо съ глаза на глазъ—туда-сюда, но здѣсь, предъ народомъ, какъ можно было стерпѣть такое поруганіе великихъ традицій бѣлой кости. Въ себя отъ гнѣва, онъ крикнулъ джигитамъ,—прочить „невѣжу“, приказъ былъ немедленно исполненъ; непокорнаго юношу усердно вздули нагайками на глазахъ сочувствовавшей этой расправѣ толпы.

Я нарочно привелъ этотъ яркій примѣръ, чтобы показать, какъ глубоко должна была внѣдриться въ киргизѣ эта нетерпимость чванства и слѣси, если одного мимолетнаго дуновенія степной атмосферы было достаточно, чтобы мгновенно исчезло, забылось все то, что внушала ему двѣнадцатилѣтняя культура и жизнь въ условіяхъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія привели его къ такому возмутительному забвенію человѣческаго достоинства; если же въ такой чистотѣ и силѣ она сохранилась въ юношѣ съ высшимъ образованіемъ, то куда же должна была завести эта малопонятная намъ манія первородства его дикаго предка! Мы имѣемъ лишь

слабое представленіе о тѣхъ ужасахъ, тѣхъ непрерывныхъ и жестокихъ междоусобныхъ бойняхъ изъ-за этого первородства, кровавою ареною которыхъ когда-то были наши среднеазіятскія степи,—бойняхъ, которыя смели тамъ безслѣдно и навсегда цѣлыя народности.

Было бы странно, конечно, говорить о какомъ либо правосудіи въ эту мрачную пору общаго изступленія, искать въ этомъ хаосѣ страстей какого либо иного суда, кромѣ того, который висѣлъ на концѣ копья.

Но и хаосу этому, какъ прежней свѣтлой тишинѣ, пробилъ свой часъ. Напоеенныя кровью, пустынные пространства степей увидѣли новаго хозяина, первое впечатлѣніе котораго отъ всѣхъ этихъ „киргизцевъ“ и „башкирцевъ“ было, конечно, не въ ихъ пользу; ихъ постоянныя волненія, весь шумный декорумъ ихъ жизни не могъ ему ни правиться, ни внушать иного взгляда на его новыхъ подданныхъ, какъ на шайку скверныхъ бунцовъ, въ правахъ и обычаяхъ которыхъ не заключалось ничего путнаго. „Понеже сей киргизъ-кайсакскій народъ, какъ о немъ извѣстно, степной и непостоянный и своимъ ханамъ непокорный, того ради на обращеніе и поступки ихъ накрѣпко смотрѣть и къ тому приводить, чтобъ они въ подлинной Нашей, подданнической вѣрности были, иногда страхомъ, а иногда награжденіемъ, дабы они, видѣвъ страхъ, не поднимали своевольства, а за награжденіе другіе ревность имѣли въ Нашей службѣ“¹⁾. Такъ аттестовалъ степняка, на первыхъ порахъ, его новый хозяинъ, требовавшій отъ него только одного—соблюденія тишины и спокойствія да „покорности своимъ ханамъ“, чрезъ которыхъ, какъ тогда казалось, только и можно было управлять этой вольницей. Но прошло полстолѣтія, а степь все продолжала „поднимать своевольства“; это вызвало новыя мѣры, уже болѣе дѣйствительныя,—„для укрощенія своевольства и разбоевъ, отъ онаго народа производимыхъ“²⁾.

Этими мѣрами право грубой силы, судъ копья въ степномъ обиходѣ, безповоротно упразднялись, и бѣдному дикарю приходилось поневолѣ искать вокругъ себя новыхъ средствъ къ поддержанію привычнаго режима, подвиги котораго ежеминутно громоздила предъ нимъ его родовая распря, наполнявшая собою по прежнему безъ остатка всю его жизнь.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. 1734 г. ст. 6576.

²⁾ Полн. Собр. Зак. 1784 г. ст. 15991.

И дикарь—надо отдать ему справедливость—скоро нашелся: ему показалось, что прежнюю расправу, лтаганомъ и нагайкой, можно теперь съ удобствомъ замѣнить расправой судебной, въ чемъ его еще болѣе утвердило кое-что изъ того, что принесъ съ собой его новый хозяинъ; и вотъ, ко всему внимательно присмотрѣвшись, онъ приступилъ къ перевооруженію.

Бѣдный, ветхозавѣтный бій, уже и ранѣе сильно полинявшій, въ постигшей народную жизнь эволюціи, теперь окончательно долженъ былъ завязнуть въ трясинѣ новой жизни и изъ гордаго, властнаго ея руководителя обратиться въ раболѣпнаго послушника сильныхъ міра, съ теченіемъ времени ими въ конецъ растлѣннаго и наученнаго смотрѣть на все сквозь складки своего глубокаго кармана.

Такимъ образомъ, какъ ранѣе судъ патріархальный былъ вытѣсненъ судомъ открытой, грубой силы, такъ теперь этотъ послѣдній уступалъ мѣсто суду всяческихъ подкуповъ, обмановъ, лбеды. Новые бій раздавали народу только партійную правду, т. е. ту, какая требовалась воротилами-родоначальниками, а такъ какъ взаимные интересы этихъ послѣднихъ всегда между собою сталкивались, находились въ рѣзкомъ противорѣчіи, то понятно, насколько отъ этихъ столкновеній теряло въ своей чистотѣ и прочности народное правосознаніе, а съ нимъ вмѣстѣ и народный судъ. Эту эпоху и непосредственно за нею слѣдовавшую, когда ко всѣмъ другимъ неурядицамъ въ народной жизни присоединилась еще и пропаганда мусульманства ¹⁾, можно съ увѣренностью назвать порою наибольшаго упадка киргизскаго народного суда. Правительство это видѣло и готово было прійти на помощь, но чего можно было ожидать отъ этой готовности? Не говоря о томъ, что въ ту пору и намъ можно было бы замѣтить: „врачу, исцѣлися самъ“, но мы такъ мало еще были знакомы съ киргизскимъ народомъ, его жизнь протекала для насъ въ такихъ потемкахъ, что скольконибудь радикальное лѣченіе народныхъ язвъ могло ожидать лишь впереди, какъ плодъ болѣе продолжительнаго знакомства съ народнымъ бытомъ, его нуждами и привычками.

Первою попыткою къ улучшенію народно-судебнаго дѣла было учрежденіе пограничныхъ судовъ, съ смѣшаннымъ составомъ изъ киргизовъ и русскихъ чиновниковъ, но учрежденіе это просуще-

¹⁾ Порою первоначальныхъ попытокъ къ распространенію ислама между турками Средней Азіи, кажется, надо признать XIII вѣкъ.

ствовало недолго и слѣдовъ по себѣ никакихъ, кажется, не оставило. За то именно въ эту пору правительствомъ было высказано положеніе, отъ котораго, если бы ему было суждено осуществиться, можно было ожидать въ будущемъ весьма многого... „Впрочемъ“, — возвѣщало оно, — „что касается до распорядка въ судѣ и правосудія, о томъ смотрѣть на обычай каждаго народа, какъ и почему въ коемъ народѣ правые удовольствіе получаютъ, а виновныхъ штрафуютъ, такъ и въ помянутыхъ судахъ уставить, ибо Наше Всемилостивѣйшее соизволеніе есть, чтобы всѣ, кто бы какой вѣры и народа ни былъ, справедливостью и судомъ скорымъ довольствовались и тѣмъ напрасныя озлобленія въ волокитахъ и незнающему Нашихъ, російскихъ правъ народу неправые въ судѣ вымыслы, отъ которыхъ не токмо нашему интересу поврежденіе происходить можетъ, но и Богу противно, — пресѣчены были“ ¹⁾.

Предъявляя такое требованіе къ новому киргизскому суду и начальству, высшее правительство дѣлало послѣднему и еще одно, очень важное предупрежденіе, указывающее на то, какъ заботливо оно относилось къ новымъ своимъ подданнымъ: „повелѣваемъ, чтобы начальники не попускали подчиненныхъ ни на какія своевольства противъ киргизцевъ.., ибо Мы не имѣемъ ни малаго сомнѣнія, что собственные поступки въ прежнее время начальствовавшихъ навлекали отъ киргизцевъ воровства и грабежи — изъ мщенія“ ²⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. 1734 г. ст. 6576.

²⁾ Полн. Собр. Зак. 1784 г. ст. 15991. Здѣсь кстати замѣтить, что такой взглядъ высшаго правительства на наши отношенія къ инородцамъ не былъ чѣмъ либо случайнымъ, эпизодическимъ, онъ былъ такимъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ; даже съ открыто примкнувшими къ бандамъ возставшаго на насъ султана Кенисары Касымова, организовавшаго въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія вооруженное возстаніе въ степяхъ, съ цѣлью испровергнуть наше тамъ владычество, правительство предписывало уклоняться отъ всего, что можетъ измѣнить пріязненные отношенія къ намъ киргизовъ, „почему строго воспрещалось, увлекаясь преслѣдованіемъ Кенисары.., наказывать тѣ роды, которые даютъ ему убѣжище; напротивъ того, требовалось кроткими внушеніями, безъ всякаго принужденія, склонять приверженныя намъ племена къ оказанію содѣйствія, для изгнанія злоумышленника“ (изъ дѣла пограничнаго начальника Сибирскими киргизами, о дѣйствіяхъ противъ султана Кенисары Касымова 1845—1847 г.г.). Этотъ кроткій взглядъ правительства тѣмъ болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе, что онъ высказанъ за 10 лѣтъ до извѣстной расправы англичанъ съ сипаями, угрожавшими Англіи не болѣе чѣмъ намъ Касымовъ, враждебно настроившій противъ насъ чуть не весь киргизскій міръ.

Дальнѣйшія измѣненія въ судебномъ дѣлѣ послѣдовали черезъ два года; въ указѣ 1786 года говорилось: „заведеніе расправъ въ народѣ киргизскомъ Мы почитаемъ полезнымъ..., когда оныя изъ нихъ самихъ составлены будутъ, а развѣ для однихъ письменныхъ дѣлъ употребить изъ вѣрныхъ, духовныхъ магометанскаго закона казанскихъ или иныхъ татаръ, но и тутъ надо осторожность, чтобы не подвергнуть ихъ опасности по своевольству киргизцевъ“.

На этомъ коротенькомъ „а развѣ“ необходимо остановиться, такъ какъ оно могло имѣть вліяніе на дальнѣйшую духовную жизнь народа, на его отношенія къ намъ и, въ частности, на его судебную дѣятельность.

Едва-ли можно допустить, что приглашеніе въ киргизскій народный судъ татарскаго муллы было вызвано одною надобностью имѣть тамъ грамотнаго писца; для этой скромной цѣли и ближе и проще было послать туда русскаго человѣка; каждый писарь, хотя бы изъ тѣхъ же пограничныхъ, русско-киргизскихъ судовъ могъ выполнить эту обязанность гораздо лучше муллы, котораго къ тому же, согласно указу, надо было выписывать изъ Казани, и притомъ еще такого, который былъ бы „изъ вѣрныхъ“, т. е. изъ преданныхъ русскому правительству.

Почему, если правительство придавало серьезное значеніе тому, чтобы посылаемое въ степь лицо было „изъ вѣрныхъ“, оно, безъ всякихъ повидимому предварительныхъ попытокъ устроить дѣло иначе, отдало предпочтеніе фанатику муллѣ,—отвѣта на этотъ вопросъ въ указѣ нѣтъ.

Не скрывался ли за этой мѣрой иной планъ, и не была ли она хоть отчасти слѣдствіемъ ловкаго маневра со стороны самихъ же этихъ „вѣрныхъ“ муллъ казанскихъ?

Дѣло въ томъ, что они давно уже пресмыкались по окраинамъ киргизскихъ владѣній, давно уже стремились въ дѣвственную степь, побуждаемые къ тому грандіознымъ замысломъ покоренія исламу новаго міра, тѣмъ болѣе на казенный счетъ и вдобавокъ за надежной нашей охраной „отъ своевольства киргизцевъ“, въ томъ случаѣ, если бы тѣмъ вздумалось выдворить изъ степи этихъ непрошенныхъ цивилизаторовъ.

Можно еще предполагать, что призваніе муллы состоялось по тѣмъ же, приблизительно, мотивамъ, что и варягъ: залитая кровью степь, какъ взбаламученное море, хотя и затихала, но не сразу; буйный, задорный степнякъ плохо сдавался, шумно празднуя мѣста-

ми кровавую тризну своему прошлому; какъ отголосокъ всему этому, къ правительству неслись доносы и жалобы, нерѣдко самаго пугливаго, угрожающаго содержанія, заключавшія въ себѣ не только просьбы о заступничествѣ, но и совѣты вмѣшательства ради собственнаго спокойствія.

Все это требовало отъ правительства напряженія силъ, весьма для него невыгоднаго, притомъ нерѣдко вызывавшагося или фальшивой тревогой, или замыслами, прямо противными его собственнымъ интересамъ. Правительство не могло не видѣть, что все это происходитъ отъ невозможности для него уяснить себѣ смыслъ того броженія, которое происходило въ степныхъ трущобахъ и которое могло грозить въ будущемъ еще большей кутерьмой. Вотъ въ этихъ-то условіяхъ для власти и могла встрѣтиться надобность въ агентахъ-развѣдчикахъ, которые бы, съ одной стороны, были „изъ вѣрныхъ“, а съ другой—ближе бы стояли къ народу, обладали бы лучшею возможностью ознакомиться съ закулисной стороной степной жизни и, вдобавокъ, не были бы очень примѣтны для того, чтобы ихъ можно было принять за правительственныхъ развѣдчиковъ. Весьма возможно поэтому, что, подмѣтивъ нужду въ такихъ агентахъ, ловкіе агитаторы-муллы и сами предложили свои услуги въ скромной и хорошо замаскированной роли судебныхъ письмоводителей, правительство же тѣмъ охотнѣе могло согласиться на это, что въ ту пору татары уже представляли изъ себя элементъ мирный, перебродившій.

Наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не даютъ возможности сказать, что именно сдѣлали для насъ въ степи эти „вѣрные муллы“, но своему дѣлу они принесли несомнѣнную пользу, являясь всюду ревностными апостолами мусульманства, гарантированными отъ всякихъ случайностей и матеріальной помощью, и грозной защитой могущественнаго сосѣда.

Достойно примѣчанія, что именно съ этою порою водворенія въ степи казанскаго муллы совпала и спѣшная забота нашего правительства о постройкѣ въ краѣ мечетей, безъ которыхъ киргизъ, до сего времени, повидимому, вполне обходился и которыя могли понадобиться теперь для цѣлей все той же пропаганды ислама. Первое Высочайшее повелѣніе объ этой постройкѣ состоялось въ 1782 г., а уже въ 1784 г. послѣдовало подтвержденіе о скорѣйшемъ окончаніи мечетей „и вновь подтверждено о томъ же самомъ въ 1786 году“ (Полн. Собр. Зак. за эти годы).

Народно-судебныя расправы просуществовали недолго; въ 1804 г.

Высочайше повелѣно было ихъ „яко не нужныя отмѣнить“, но о муллѣ ничего не говорилось; по всей вѣроятности, онъ, при казенномъ жалованьи да нарочитой охранѣ, успѣлъ уже пустить въ степи кое-какіе корешки и съ двухъ своихъ фортецій—мечети и медресе, продолжалъ прикрѣплять индифферентную степь къ исламу, умѣло культивируя сѣмена его въ дѣвственныхъ душахъ пылкаго и младенчески воспримчиваго народа.

Въ одномъ, впрочемъ, наше правительство не могло оказать никакой поддержки почтенному муллѣ,—это въ его борьбѣ съ народнымъ обычнымъ правомъ „адатомъ“. Этотъ кодексъ обычаевъ, сложившійся очень давно, въ свѣтлую пору народной жизни, странно сохранилъ свою чистоту и во времена позднѣйшихъ неурядицъ; можно подумать, что онъ былъ такъ несоизмѣримо чистъ и ясенъ для наступившей въ жизни народа мутной хаотической поры, такъ былъ недосыгаемъ и чуждъ ея новому укладу, что она предпочла къ нему совсѣмъ не прикасаться, обойти его и удалиться въ противную сторону, оставивъ его въ покоѣ, какъ памятникъ былого, невозвратнаго, благодаря чему онъ и могъ остаться въ прежней чистотѣ, обратясь для народа въ свѣтлый завѣтъ старины, въ священное наслѣдіе предковъ, въ символъ вѣрованій, чуть не въ религію, которою народъ, если и не всегда руководствовался, слушался, за то всегда дорожилъ и почиталъ. Въ минуты горя, въ минуты борьбы и тяжелыхъ испытаній, когда киргизу уже ничего не остается, онъ обращается къ этому нетлѣнному наслѣдію предковъ и всегда находитъ тамъ и ободряющую поддержку, и утѣшеніе скорбящей душѣ. Никакія бури, пронесшіяся надъ народомъ, не могли отнять у него этого утѣшителя, наоборотъ: чѣмъ хуже, чѣмъ мрачнѣе было вокругъ него, тѣмъ ярче свѣтилъ ему и согрѣвалъ его адатъ.

Вотъ этотъ-то источникъ духовной силы народа всталъ неожиданной помѣхой миссіонерамъ ислама, хорошо понимавшимъ, что научить народъ кричать „алла иль алла, ва магометъ разулъ алла“—еще не значитъ сдѣлать его мусульманиномъ, что для этого еще надо привить ему новыя правила морали, общежитія, дать ему свое правосознаніе, словомъ,—ненавистный адатъ замѣнить шаріатомъ.

Нельзя, конечно, отрицать многихъ достоинствъ и этого древнѣйшаго законодательнаго памятника восточнаго міра, но дѣло въ томъ, что онъ былъ совершенно чуждъ киргизу какъ по своему духу, такъ и по буквѣ. Уже одно понятіе о человѣкѣ, о ближнемъ,

по адату, было гораздо шире и гуманнѣе, нежели по шаріату, а отсюда ему болѣе доступна была и снисходительная мягкость къ человѣческимъ порокамъ и прегрѣшеніямъ; онъ всегда оставался въ постоянной неразрывной связи съ жизнью и ея эволюціей, той связи, которая совсѣмъ неизвѣстна мертвящему духу шаріата, опутавшаго, какъ паукъ паутиной, каждое движеніе человѣка, въ сферѣ духовной и матеріальной, своею придирчивой и окаменѣлой регламентаціей.

Легко понять поэтому, отчего этотъ фанатическій апостоль застоя не могъ быть сразу принятъ киргизскимъ народомъ; много времени и много искусства требовалось здѣсь отъ настойчивыхъ слугъ ислама, и тѣмъ не менѣе, если и нельзя отрицать его крупныхъ завоеваній среди киргизовъ, то все-же можно порадоваться тому, что сфера его побѣдоноснаго поглощенія ограничилась пока одной религіозной стороною, не успѣвъ еще вполне овладѣть всѣмъ остальнымъ, между прочимъ и сферой народно-судебной, въ которой вторженія шаріата всегда были особенно настойчивы, но гдѣ наблюдаются пока одни только непрерывныя его покушенія, чаще съ негодными средствами ¹⁾.

Отпоръ, со стороны киргиза, навязчивому нашествію шаріата былъ бы, можетъ быть, и еще успѣшнѣе, если бы, надо въ томъ сознаться, мы сами этому не мѣшали. Какъ на одинъ изъ непріятныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи, можно указать на слѣдующій.

Киргизскіе народные судьи, передъ тѣмъ какъ приступить къ разсмотрѣнію дѣлъ на ихъ съѣздахъ, обыкновенно припоминаютъ другъ другу различныя положенія своего обычнаго права—адата, которыми они, по нашему закону, обязаны руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ, и затѣмъ составляютъ для себя такъ называемое „эреже“, т. е. руководящее постановленіе, въ которое заносятъ всѣ подходящія правила и наставленія обычнаго права. Постановленіе это подписывается судьями, послѣ чего оно уже становится какъ бы сводомъ законоположеній, обязательныхъ для примѣненія ихъ судьями того съѣзда.

На одномъ изъ такихъ съѣздовъ, въ Семипалатинской области,

¹⁾ Это послѣднее, впрочемъ, вѣрно только по отношенію къ степному краю; что же касается Туркестана, напр., то тамъ во многомъ шаріатъ совсѣмъ уже вытѣснилъ древнее обычное право или же счастливо съ нимъ соперничаетъ, всюду стремясь заложить и культивировать, между прочимъ, и тѣ сѣмена, которыя приводятъ къ такимъ эпизодамъ, какъ съ Кенисары Касымовымъ или болѣе близкій къ намъ—андижанскій.

народные судьи, неизвѣстно чѣмъ побуждаемые, порѣшили вовсе отвергнуть обязательные для нихъ мѣстные обычаи и назначать „имущественную отвѣтственность за различнаго рода увѣчья по магометанскому шаригату“.

Вотъ это судебное руководство.

Ст. 1. „Если кто либо кого ударить по головѣ и отъ этого пострадавшій потеряетъ рассудокъ и сдѣлается сумасшедшимъ, то виновный подвергается къ уплатѣ одной тысячи тилля, каждая тилля равняется одному золотнику золота, или 100 верблюдамъ и 10 тысячамъ рублямъ шаригата: каждый рубль шаригата равняется 20 копейкамъ“.

Ст. 3. „За обрѣзаніе дѣтороднаго уда виновный подвергается уплатѣ 100 верблюдовъ“.

Слѣдующія статьи также хороши:

Ст. 26. „За обрѣзаніе у женщины обѣихъ грудей платится кунъ въ 100 верблюдовъ“.

Ст. 27. „За обрѣзаніе у женщины одной груди платится кунъ въ 50 верблюдовъ“.

Образцомъ глубокой проникновенности судебской мысли могутъ служить слѣдующія двѣ статьи:

44. „За истязаніе человѣческаго тѣла необходимо при разбирательствахъ соблюсти равновѣсіе, т. е. такъ: предположимъ, что получившій истязаніе былъ рабъ, цѣну котораго опредѣлить до истязанія и послѣ таковаго, и уже затѣмъ полученная разница въ суммѣ должна платиться кунѣмъ за сказанное истязаніе“.

Ст. 45. „Если кто ударить беременную женщину и она скинетъ мертваго младенца, платится 100 рублей, а если младенецъ будетъ скинутъ живымъ и потомъ умретъ, то платится кунъ 100 верблюдовъ“.

Если младенецъ скинутъ мертвымъ и затѣмъ мать умретъ, то платится кунъ 100 верблюдовъ и 100 рублей.

Если же мать помретъ, а младенецъ будетъ скинутъ мертвымъ, то платится кунъ 100 верблюдовъ. Если же мать помретъ, а младенецъ будетъ скинутъ живымъ и потомъ помретъ, то въ этомъ случаѣ кунъ считается за человѣка, и платится 200 верблюдовъ“.

Можно бы подумать, что все это одна палеонтологія, если бы, во-первыхъ, не имѣющійся надъ нею заголовокъ, изъ коего видно, что такими рецептами постановили руководствоваться почтенные члены „чрезвычайнаго областного съѣзда народныхъ судей Семи-палатинской области, происходившаго на рѣкѣ Чаръ, въ маѣ

1885 г.“, и, во-вторыхъ, не слѣдующая, многозначительная скрѣпа подъ ними: „печатано по распоряженію военнаго губернатора Семипалатинской области, 14 февраля 1886 г. № 1546“.

Какъ, а главное—для чего могло послѣдовать это распоряженіе со стороны высшей власти, знавшей, что киргизскіе народные судьи, въ силу закона, при разрѣшеніи дѣлъ, руководствоваться постановленіями шаріата права не имѣютъ, и что такія дѣйствія, какъ, напр., вырѣзаніе женской груди, даже и вовсе не подвѣдомы суду народному,—неизвѣстно; конечно же, никому въ голову не придетъ принять это распоряженіе печатать за разрѣшеніе народному суду такъ рѣзко превысить его власть, но дѣло въ томъ, что эта мусульманская мудрость, напечатанная по киргизски и изданная распоряженіемъ высшей въ области русской власти, да еще съ приведеннымъ заголовкомъ, легко можетъ ввести въ соблазнъ народную массу, привыкшую понимать, что отъ такой власти всегда исходитъ только одинъ „закунъ“. Будемъ думать, что этотъ фактъ офиціального распространенія среди населенія неразрѣшеннаго закономъ и намъ враждебнаго мусульманскаго кодекса — простая случайность, одна изъ тѣхъ грустныхъ случайностей, которыми во всѣ времена, въ союзѣ съ нашею недалекостью и порочными наклонностями мѣстныхъ властей, мусульманская пропаганда ловко пользовалась, чтобы уронить, растлить обычный судъ у киргизовъ. ✓

Авторъ историческаго очерка „О древнихъ союзахъ киргизъ-байсаковъ“ такими мрачными красками изображаетъ состояніе этого суда, въ началѣ прошлаго столѣтія. „Значеніе біевъ пало, благотворное вліяніе народнаго суда ослабѣло, и не малое число біевъ осталось безъ занятія и безъ средствъ; киргизы нашли возможность укрываться отъ справедливаго преслѣдованія обиженной стороны, отыскивая поддержку въ высшихъ сферахъ, болѣе сильныхъ, нежели ихъ народный судъ. Народъ не можетъ не видѣть, что любимый имъ судъ біевъ оказывается безсильнымъ противъ людей самыхъ безсовѣстныхъ, дѣйствующихъ подкупомъ туземныхъ властей. Такимъ образомъ, прекрасное народное учрежденіе падаетъ, а съ нимъ исчезаетъ и понятіе о правдѣ и справедливости. Каждый волостной султанъ беретъ, что хочетъ, дѣлаетъ все, что ему вздумается, опираясь на поддержку старшаго султана, которому исправно платитъ“ ¹⁾. Нѣсколько позднѣе, въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія 1868 г. (объ управленіи въ об-

¹⁾ Народный судъ киргизовъ. Соч. Максимова, стр. 69.

ластяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской) мы читаемъ: „Конечный ударъ нанесенъ суду закономъ 1854 г., на основаніи котораго званіе біевъ предоставлено только султанамъ и аульнымъ старшинамъ, прослужившимъ не менѣе шести лѣтъ, и вообще лицамъ, чѣмъ либо награжденнымъ или отправлявшимъ должности, правительствомъ учрежденныя, и не иначе, какъ по выборамъ общества и съ утвержденіемъ окружныхъ приказовъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, вся юрисдикція перешла въ руки не народныхъ судей, пользовавшихся особымъ довѣріемъ киргизовъ, а судей, выходящихъ изъ среды вліятельныхъ лицъ и чиновъ окружныхъ приказовъ“. Къ такому же грустному выводу о судебномъ нестроеніи и вопіющихъ судебныхъ неправдахъ пришла и правительственная коммисія, нарочно посланная въ степь въ 1865 году съ цѣлью возможно болѣе полного и всесторонняго ознакомленія съ дѣйствительностью на мѣстѣ. Не жалѣя самыхъ мрачныхъ и рѣзкихъ красокъ для ея изображенія, коммисія подчеркиваетъ, какъ главную причину упадка суда, то же самое, на что было указано и ранѣе, т. е. что народъ лишенъ права выбора себѣ біевъ для рѣшенія дѣлъ, а „сами мѣстныя власти сзываютъ для сего тѣхъ судей, кои находятся съ ними въ стачкѣ; мѣстныя власти, вмѣшиваясь въ судъ, нерѣдко сами измѣняютъ постановленія его“. Результатомъ этого послѣдняго изслѣдованія на мѣстѣ явилось положеніе 1868 года, впервые установившее тѣ общія нормы въ судебномъ дѣлѣ, которыя и сейчасъ остаются въ силѣ; впервые и рѣшительно признано было необходимымъ возстановить обычный народный судъ, притомъ въ его прежнихъ, забытыхъ формахъ, въ которыхъ положеніе усматривало, между прочимъ, весьма существенное его сходство съ нашими собственными судебно-мировыми учрежденіями.

Въ этомъ возвратѣ къ первоначальнымъ источникамъ народного правосознанія и судостроенія надо видѣть главную заслугу положенія 1868 г. Имъ былъ нанесенъ первый рѣшительный ударъ все возраставшему вліянію бухарскихъ и казанскихъ муллъ съ ихъ шаріатомъ; но, кромѣ того, въ немъ не были забыты и слѣпые союзники этихъ пришельцевъ, „присвоившіе себѣ абсолютное право па судъ и расправу“, султаны, старшины, родоначальники, вліяніе которыхъ теперь признавалось необходимымъ парализовать, какъ вредное для народа и опасное для русской власти; послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній въ оцѣнкѣ отношеній къ намъ названныхъ лицъ было признано, наконецъ, что они-то и составляютъ

главную помѣху сближенію съ нами киргизскаго народа, къ которому онъ давно уже стремился, вѣрно угадывая, что и сила, и будущее его здѣсь, возлѣ насъ, а не тамъ, подъ кулакомъ этихъ, день отъ дня мельчавшихъ и ослабѣвавшихъ, степныхъ авантюристовъ.

Въ этой попыткѣ къ обузданію и „ускромленію“ народныхъ главарей заключается вторая важная заслуга положенія 1868 года; но, конечно, самымъ существенно-важнымъ въ немъ были §§ 162 и 163, въ силу коихъ брачныя и семейныя дѣла между киргизами хотя и рѣшались, по прежнему, судами народными, но рѣшенія эти теперь могли быть обжалованы уѣзднымъ начальникамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и губернаторамъ.

Цѣль этого нововведенія ясна: правительство брало подъ свою защиту бѣдную, изстрадавшуюся киргизскую женщину, возвращало ей человѣческія права, въ которыхъ ей отказало право мусульманское и свое собственное, одинаково, кажется, ее не любившія, хотя, вѣроятно, главная причина существовавшихъ отношеній у киргиза къ его женщинѣ лежала не въ шаріатѣ или адатѣ, а во многомъ иномъ. Наши предки немногимъ, вѣроятно, лучше относились къ своей женѣ, дочери, невѣстѣ, чѣмъ и киргизъ; главнымъ основаніемъ безправія своей женщины и онъ приводитъ то же, что и образованнѣйшіе люди древняго міра,—*levitas animi, fragilitas sexus...*, и у него нашлось достопамятное „волось дологъ“, чѣмъ любилъ козырять и нашъ предокъ передъ своею безгласною подругою.

Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно и то, что въ отношеніи женщины постановленія шаріата рѣзко отличались своею суровостью отъ тѣхъ, какія сохранило киргизскому народу его древнее обычное право; вслѣдствіе сего претендовавшіе на роль перевоспитателей народа муллы изъ „священной бухары“ („бухараи шарифъ“) всегда обнаруживали, какъ это замѣчено и въ мотивахъ Государственнаго Совѣта къ изданію степного положенія, „стремленіе разбирать брачныя и семейныя дѣла киргизовъ, руководствуясь не обычаями народа, а шаріатомъ“. Признаніе это позволяетъ заключить, что правительство, вступаясь за женщину въ положеніи 1868 г., имѣло въ виду оградить ее именно съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что протитуированный народный судъ не выражалъ никакого желанія помочь женщинѣ въ ея слабой борьбѣ съ чуждымъ пришельцемъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Закаспійской и Ферганской областяхъ, шаріатъ уже сильно вытѣснилъ древнее обычное право народа—адатъ,

а проныра-казый спѣшилъ замѣнить населенію прежняго бѣя. Какой взглядъ на женщину и ея права существовалъ тогда въ народныхъ судахъ этихъ мѣстностей, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ примѣровъ. Судъ присудилъ ростовщику сарту за долгъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ изъ задолжавшаго рода. По смерти богатаго киргизскаго бѣя осталось его 12-лѣтнему сыну большое имущество, находившееся на рукахъ вдовы; одному изъ родственниковъ покойнаго захотѣлось воспользоваться этимъ наслѣдствомъ, и онъ обратился въ народный судъ, а тотъ вынесъ слѣдующее, рѣдкое по остроумію, рѣшеніе: выдать вдову (безъ ея на то не только согласія, но даже вѣдома) за родственника умершаго, которому поэтому и быть опекуномъ надъ малолѣтнимъ, а все наслѣдство взять въ свое распоряженіе; бѣдная вдова, безропотно отдавшая все, что принадлежало ея мужу и ребенку, не могла такъ же покорно отдать и себя навязанному ей насильно мужу и обратилась въ окружный судъ, но здѣсь, увы, ея жалобы не приняли—„по неподсудности“¹⁾. Присужденіе народными судьями на ряду съ лошадью, бараномъ, въ видѣ штрафа и дѣвушекъ, или дряхлому, развратному старику въ жены двѣнадцатилѣтней дѣвочки—это совсѣмъ не рѣдкость въ практикѣ народныхъ судовъ²⁾.

Такое безправіе и безличіе киргизской женщины въ народномъ судѣ, безъ сомнѣнія, поощряло и къ звѣрской съ ней домашней расправѣ; вотъ одинъ изъ болѣе возмутительныхъ примѣровъ. Молодой, богатый киргизъ заподозрѣлъ свою жену въ невѣрности и подѣлился своимъ горемъ съ братомъ жены, находившимся съ нимъ въ тамырствѣ (дружба); тамыръ его, такой же, какъ и онъ, молодой человѣкъ, былъ сильно возмущенъ поступкомъ сестры и посоветовалъ другу обратиться въ судъ. Мужъ и самъ думалъ объ этомъ, но какъ быть: у него рѣшительно не на что было сослаться въ подтвержденіе своего подозрѣнія; да и помимо того, онъ боялся, что судъ, пожалуй, не такъ накажетъ негодную, какъ того требовало это чудовище съ зелеными глазами—его ревность, разгоравшаяся все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ онъ сознался своему другу, что болѣе терпѣть не въ силахъ—самъ

¹⁾ Отчетъ капитана Давлетшина по командировкѣ въ Туркестанъ и Степныя области 1901 г., стр. 68.

²⁾ Записка земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о преобразованіи киргизскаго народнаго суда, стр. 19.

будеть судить свою обидчицу. Братъ догадывался, каковъ будетъ этотъ судъ, и очень горевалъ; ему предстояло кого-то лишиться... Но сестра была для него уже отрѣзанный ломоть, къ тому же своимъ дурнымъ поведеніемъ, въ которомъ онъ, какъ другъ мужа, ни минуты не сомнѣвался, она опозорила родовое достоинство, а ея мужъ былъ его тамыръ, искренній, преданный, бравый... И бѣдный братъ предпочелъ друга.

Однажды мужъ приказалъ женѣ сходить за водой въ то неурочное время, когда народъ или отдыхалъ, или находился далеко отъ аула; жена безпрекословно повиновалась, а за нею пошли вдвоемъ мужъ ея и братъ. Маленькій скромный ручей, изъ котораго аулъ бралъ воду, теперь, послѣ сильнаго дождя въ горахъ, обратился въ ревущій, вздувшійся потокъ, бросавшій комья бѣлой пѣны къ ногамъ молодой женщины; она остановилась въ недоумѣніи, какъ ей въ этомъ грозномъ водоворотѣ почерпнуть воды, тѣмъ болѣе, что съ каждою минутою приподнятый, глинистый берегъ все обрывался и мутилъ воду.

— „Айда дальше, у берега не бери... еще какую грязь домой принесешь“.

Женщина узнала этотъ голосъ и вздрогнула, а, оборотясь, увидѣла дико смотрѣвшія на нее въ упоръ два знакомыхъ глаза и все въ нихъ прочла... ей стало страшно.

— „Ступай же, ступай, чего стала“!

Женщина спрыгнула въ потокъ.

— „Дальше, дальше“, — настаивалъ приближавшійся къ ней мужъ.

Женщина сдѣлала еще шагъ и опять остановилась, ее уже подхватывалъ водоворотъ, и она чувствовала, что еще одинъ шагъ, — и ее унесетъ.

— „Ступай“, — заревѣлъ надъ ухомъ мужъ.

Она видѣла озвѣрившееся лицо его, кровью налитыя глаза и бросила умоляющій взоръ въ сторону брата, но тотъ не смотрѣлъ на нее и чертилъ спокойно что-то прутикомъ на пескѣ.

Несчастная все поняла и сдѣлала слѣдующій шагъ... Вскорѣ гдѣ-то выбросило водою оловянный кувшинъ, и добрые, участливые люди успокоились: они всегда говорили, что эта чудака головы своей не сносить; какой же нужно было быть дурѣ, чтобы отважиться въ такую пору идти за водой... Только жаль бѣднаго мужа — онъ такъ убивается, да и братъ тоже.

Братъ дѣйствительно убивался, пока въ окологѣ не прошелъ

слухъ, что гдѣ-то какой-то молодой пастухъ рассказывалъ людямъ, какъ онъ, спрятавшись отъ зноя въ горную щель, видѣлъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ мужъ жену посылалъ топить.

Послѣ этого разсказа братъ покойной исчезъ. И его уже никто никогда нигдѣ не встрѣчалъ.

— „Много мрачнаго скрываетъ наша степь“, — задумчиво окончилъ свой разсказъ одинъ образованный киргизъ, отъ котораго я узналъ объ этомъ ужасномъ случаѣ.

Жалобы безправной женщины, ея вопли о несправедливости къ ней никого не трогали, и для нея оставался одинъ выходъ — смерть. Какъ бы подтвержденіемъ этому и служить то, что самоубійство у киргизовъ, помимо случаевъ душевнаго разстройства, встрѣчается почти исключительно среди женщинъ ¹⁾. Оно служить для нея и выходомъ, и въ то-же время единственною формою протеста противъ того ужаснаго гнета и тѣхъ тяжкихъ обидъ, среди которыхъ протекаетъ ея жалкое существованіе.

Вотъ почему законъ 1868 г., въ теченіе своего 25-лѣтняго существованія, всегда вызывалъ горячую, восторженную благодарность киргизской женщины, въ то же время встрѣчая и со стороны сочувствовавшей ей мѣстной администраціи всегдашнее одобреніе.

Этотъ прекрасный 25-тилѣтній опытъ, кромѣ того, лишній разъ доказалъ, что мнѣніе, будто киргизы еще не доросли до пониманія и усвоенія нашей культуры, основано гораздо болѣе на суевѣрномъ страхѣ и недовѣріи къ новшествамъ вообще, чѣмъ на фактахъ изъ дѣйствительной жизни народа; взятая нами подъ нашу властную защиту киргизская женщина скоро открыла намъ свое сердце, стала гораздо доступнѣе для русскихъ думъ и русскихъ чувствъ, чѣмъ была прежде.

Эта эволюція киргизской женщины коснулась, между прочимъ, и ея отношеній къ нашей, русской правдѣ, особенно рѣзко отразившись въ ея поведеніи передъ русскимъ судомъ. Почему киргизка такъ рѣдко появляется на судѣ, въ роли свидѣтеля?

Многіе отвѣчаютъ на это ссылкой на прошлое народа, которое, трактуя женщину какъ безправную (ихтіяры йок) рабыню, чуть-чуть не скотину (чури), устранило ее отъ всякаго участія въ общественной, дѣловой жизни, заключивъ въ сферы семейную и брачную, гдѣ за весьма рѣдкими исключеніями (убійство, тяжкое увѣщье)

¹⁾ Записки Западнаго Отдѣла Географ. Общества, книга 7 вып. 2, 1885 г. ст. Н. Зеланда.

царилъ судъ мужа и старшихъ въ родѣ. Но это объясненіе разрѣшаетъ вопросъ лишь отчасти: во-первыхъ, какъ въ древности, такъ и теперь появленіе женщины на судѣ въ качествѣ истицы либо отвѣтчицы, равно свидѣтельницы, никакимъ постановленіемъ обычнаго народнаго права не воспрещено и хотя рѣдко, но все же встрѣчается и пріемлется, а, во-вторыхъ, киргизъ прекрасно знаетъ, что нашъ-то русскій судъ не дѣлаетъ никакого различія между показаніями мужчины и женщины, и потому, конечно, съ большою бы охотою привелъ ее въ нашъ судъ, для обѣленія себя, если бы . . . если бы онъ могъ такъ же легко, какъ своего брата-мужчину, склонить и ее на лжесвидѣтельство предъ нашимъ судомъ. Нѣтъ, здѣсь она плохая союзница своему мужчине: съ одной стороны, ей, удаленной отъ жизни, часто не только не близка, но даже и непонятна цѣль, къ которой, съ такимъ фанатическимъ пыломъ, стремится мужчина и ради достиженія которой онъ жертвуетъ и духомъ и плотью, а съ другой,—и это именно то, что мы хотѣли отмѣтить,—киргизская женщина болѣе привязана къ нашему суду, какъ ея единственному защитнику, и согласится лгать ему только въ крайности. Именно поэтому-то киргизъ, нуждаясь въ лжесвидѣтелѣ, готовъ обратиться скорѣе къ услугамъ ребенка, чѣмъ своей женщины.

Припоминается одинъ комическій случай.

Къ адвокату пришелъ киргизъ написать прошеніе. Пишутъ. Когда дѣло дошло до ссылки на доказательства, киргизъ замялся, насупился, зачесалъ въ головѣ.

„Нѣтъ, таксырь, у меня свидѣтелей, вотъ въ чемъ моя плоха . . . а хотя и есть, ну бульна дорого джелаетъ „канишеръ“ (кровопійца).

Адвокатъ въ виду того, что событіе совершилось дома, спросилъ, не было ли тогда кого либо хотя изъ женщинъ.—„Были, таксырь, были, да . . . какой онѣ свидѣтель—самъ понимаешь“.

Адвокатъ, однако, не понималъ и предложилъ записать бабъ, ужъ если мужчинъ никого нѣтъ.

Киргизъ задумался, уставивъ на адвоката лукавый, испытующій взоръ и произнесъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

„Ужъ развѣ ты, таксырь, ихъ поучишь? . . . Ладно, я приведу ихъ къ тебѣ“.

Къ адвокату робко вошли двѣ женщины, скромныя и покорныя, укрытыя своими длинными, бѣлыми, какъ снѣгъ,—„кимешекъ и джаульскъ“—головными покрывалами, немножко наминающими

собою фату нашей невесты, придающими киргизской женщинѣ такой пріятный оттѣнокъ чистоты и скромности.

На всѣ вопросы адвоката онѣ, ни минуты не колеблясь, въ одинъ голосъ отвѣчали: „мы, таксырь, ничего не видѣли, ничего не знаемъ“.

И, какъ ни бился киргизъ, ничего не вышло: немного сконфуженныи, съ опущенными долу глазами, онѣ кротно, но рѣшительно, отвѣчали однимъ и тѣмъ же—нѣтъ и нѣтъ.

Киргизъ страшно обозлился, плюнулъ обѣимъ имъ прямо въ лицо, не стѣсняясь присутствіемъ адвоката, и закричалъ:

„Айда, вунъ, донгусъ“,—а затѣмъ, обращаясь къ адвокату, запальчиво добавилъ:

„Ну, что, говорилъ тибѣ, бушка твоя непонятная... какой баба свидѣтель“.

Не простившись съ адвокатомъ, онъ увелъ женщинъ, чтобы, приведя ихъ домой, немножко посѣть плеткой, на что ему даетъ полное право почтенный обычай.

Такъ же кротно, но и столь же рѣшительно, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, киргизская женщина, чуждая всѣмъ враждебнымъ намъ умственнымъ движеніямъ въ степи, при каждомъ случаѣ разматываетъ своими слабыми руками ту паутину, которою такъ старательно опутываютъ умъ и сердце народа немногимъ менѣе чуждые и ей, чѣмъ намъ, мулла, коранъ и шаріатъ, которые, по счастью для насъ, никогда не снизойдутъ до пользованія услугами женщины, до обращенія ея въ своего союзника. А такъ какъ дѣло воспитанія новыхъ поколѣній, это мелкое домашнее дѣло, мужчинѣ непристойное, въ степи всецѣло сосредоточено въ рукахъ женщины, то отсюда ясны тѣ важныя услуги, какія она намъ можетъ оказать, культивируя дѣтскіе, воспріимчивые умъ и сердце въ духѣ благопріятномъ для ея защитниковъ, русскихъ.

И если намъ когда либо суждено завоевать степь духовно, то въ первомъ ряду борцовъ этого завоеванія непременно будетъ стоять киргизская женщина.

Несмотря однако на все это, законъ 1868 года при слѣдующемъ пересмотрѣ степного положенія въ этой части его удержанъ не былъ. Противъ него было сдѣлано авторитетное возраженіе, практическую важность котораго, конечно, трудно оспаривать.

„Какой бы ни былъ результатъ жалобъ женщины, она все-таки должна вернуться въ родныя кочевья, гдѣ ее можетъ встрѣтить не только месть со стороны тѣхъ, на кого она жаловалась, но

огульное порицаніе ея поступка со стороны остальных обитателей степи“.

Пусть такъ, пусть бѣдная, киргизская женщина еще потерпитъ, подождетъ той счастливой и, будемъ надѣяться, недалекой поры, когда наконецъ сбудется желаніе составителей положенія 1868 года, выраженное ими въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: „Правительство не должно отказываться отъ подчиненія инородцевъ общему суду, въ видахъ государственнаго единства, по мѣрѣ постепеннаго успѣха гражданственности въ средѣ кочевого населенія“.

Дальнѣйшимъ измѣненіямъ киргизскій народный судъ подвергся въ положеніи 1891 г., которое въ Степныхъ областяхъ дѣйствуетъ и по настоящее время; существенно важнаго оно, впрочемъ, ничего не внесло, коснувшись главнымъ образомъ лишь внѣшней стороны дѣла и оставивъ, къ сожалѣнію, безъ дальнѣйшаго развитія тѣ, много обѣщавшія основныя положенія, которыя были только намѣчены закономъ 1867 и 1868 г.г. Всѣ темныя силы народа остались поднесъ на своихъ мѣстахъ, при исполненіи своихъ обязанностей, и подъ ихъ неослабѣвающимъ покровительствомъ народный судъ продолжаетъ влечить свое позорное существованіе, представляя изъ себя организацію, которая только можетъ конфузить, оскорблять народъ и порядокъ, дающіе ей мѣсто въ общемъ строѣ государственныхъ учрежденій.

Отступились бѣи,

Созданные Богомъ.

Пошли смертельныя распри изъ-за должностей,

Хорошіе люди обратились въ рабовъ произвола выборовъ,

Обратились въ судей даже глупые, безвѣстные пастухи,

Неумѣющіе отличить хорошаго отъ дурного,

И у такихъ-то пастуховъ вы просите совѣта!

Гдѣ же нашъ прежній стыдъ, добрые люди?...

Прежніе бѣи, хорошіе люди устроились,—

Даже откупались отъ этихъ безобразій!...

Вы, старые бѣи, полагавшіе за народъ свою душу,

О, бѣи, гдѣ вы теперь?...

О, Боже мой, что за времена для насъ настали!

Потративъ много на полученіе должностей,

Стараются взыскать съ народа свои расходы.

Развѣ въ прежнемъ киргизскомъ быту

Видѣли у бѣевъ такіе примѣры?...

Но, такъ какъ ты самъ виноватъ во всемъ, то повинуйся, несчастный киргизъ, что бы ни дѣлалось“ ¹⁾).

Въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ бѣдный народъ прощается со своимъ невозвратнымъ прошлымъ и скорбитъ о постигшемъ его нынѣ безсудьѣ.

Отъ этихъ чувствъ народа весьма педалеки и отзывы тѣхъ, кто, по свойству своей дѣятельности, могъ ближе ознакомиться съ судомъ киргизскимъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ мрачныхъ и энергичныхъ выраженіяхъ аттестуетъ его Тургайскій военный губернаторъ.

„При одномъ упоминаніи о киргизскомъ народномъ судѣ горькое чувство наполняетъ душу всякаго знакомаго съ этимъ учрежденіемъ. До сихъ поръ съ представленіемъ о немъ неизбѣжно связывается понятіе о продажности, лицепріятіи, неправдѣ и произволѣ“ ²⁾).

Или вотъ какую характеристику даетъ ему Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

„Вникая въ современное положеніе киргизскаго народнаго суда, нельзя не прійти къ заключенію, что судъ этотъ, *по единогласному свидѣтельству мѣстнаго начальства*, не удовлетворяетъ своему назначенію и даже заключаетъ въ себѣ задатки отчужденности отъ русскаго права, которое въ недалекомъ будущемъ *можетъ замѣниться постановленіями мусульманскаго права*... Сущестующій по старинной формѣ, но безъ сущности, *обычный судъ безъ обычая* легко можетъ воспріять несогласное съ нашими интересами мусульманское право, именно потому, что *отъ воспріятія началъ нашего права народный судъ дѣйствующими законами тщательно охраняется*“ ³⁾).

Спрашивается: послѣ такого полного и весьма откровеннаго самообличенія со стороны высшаго начальства народнаго суда, послѣ столь единодушныхъ и рѣзко безнадежныхъ отзывовъ народа, общества, мѣстныхъ властей, что еще удерживаетъ это зло-вредное, растлѣнное учрежденіе отъ примѣненія къ нему—*pollice verso*?!...

¹⁾ Это—киргизская народная пѣсня, доставленная въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ изъ Тургайской области; см. записку по земскому отдѣлу о преобразованіи киргизскаго народнаго суда, стр. 25.

²⁾ Тамъ же, стр. 15.

³⁾ Тамъ же, стр. 26.

Если бы этотъ вопросъ предложили муллѣ или домашнему учителю въ степи, изъ бѣглыхъ татаръ и бухарцевъ, они бы кратко и вдохновенно отвѣтили: „Богъ его хранить, душа моя“; мы же затрудняемся дать отвѣтъ и обратимся къ дальнѣйшему.

Мы уже назвали тѣ элементы въ жизни киргизскаго народа, взаимодействіе которыхъ привело къ такому позорному упадку симпатичнѣйшее изъ учрежденій киргизской старины, судъ біевъ; то были ничѣмъ неограниченное и въ существѣ своемъ извращенное развитіе родового начала, способствовавшее вырожденію рода чуть не въ разбойничью шайку, отсутствіе долгое время притока извнѣ просвѣтительныхъ и умиротворяющихъ вліяній, наконецъ мусульманское нашествіе съ его шаріатомъ, мѣстами засорившее, а мѣстами и вовсе извратившее правосознаніе народа. О тактикѣ и стратегіи послѣдняго говорить не стоитъ—они хорошо извѣстны, ибо всюду одинаковы; о дѣятельности же перваго, продолжающаго служить и по сей день главною причиною всѣхъ бѣдъ киргизскаго народа, въ томъ числѣ и судебной, скажемъ нѣсколько словъ.

Родовая организація—это едва-ли не самый властный и самый жизнеспособный изъ всѣхъ пережитковъ киргизской старины; „лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ царемъ въ чужомъ народѣ“, ежедневно твердитъ киргизъ это правило сѣдой мудрости, и, если уже и не представляетъ изъ себя того кристаллизованнаго родовича, какимъ былъ его предокъ, тѣмъ не менѣе его влеченіе къ родовому объединенію еще не замѣнилось ничѣмъ инымъ, и этимъ обстоятельствомъ прекрасно пользуются родоначальники, властные въ степи люди, чтобы держать народъ въ вѣчной, тяжелой кабалѣ, какъ духовной, такъ и матеріальной. Собственно экономическому закрѣпленію киргиза родовой организаціей во многомъ способствуетъ та возмутительная неурядица въ пользованіи землею и водами, какая и доселѣ существуетъ въ степи. И доселѣ тамъ едва-ли не самою распространенною формою землевладѣнія служитъ захватъ, благодаря чему, въ то время какъ въ болѣе сильныхъ родахъ каждая кибитка располагаетъ нерѣдко тысячами десятинъ земли, въ болѣе слабыхъ—лишь сотнями и менѣе. Было высказано, что такое „право“ захвата установило среди киргизовъ его обычное право¹⁾; но это—грустная ошибка. Ниже будетъ приведено нѣсколько образцовъ морали обычнаго киргизскаго права, изъ которыхъ будетъ

¹⁾ „Россія“, изданіе подъ редакціей В. И. Семенова 1903 года, т. 18, стр. 115.

видно, какъ оно далеко отъ поощренія всякому хищенію, отъ покровительствованія захвату даже свободной земли однимъ родомъ въ ущербъ другому, какъ, наоборотъ, оно всегда будило въ населеніи любовь къ бѣдному забытому брату, поощряло заботу о его участи и выработало нѣсколько чудныхъ формъ этой заботы и помощи, создало нѣсколько симпатичныхъ обязательствъ въ отношеніи сирыхъ, для которыхъ, если бы они не были отвергнуты хищными и властными родоначальниками, среди киргизовъ никогда не было бы того позорнаго явленія, которое мы теперь замѣчаемъ и которое называется „джатачествомъ“. Джатакъ—это нѣчто въ родѣ *heimathslos*, только въ ужасной обстановкѣ; это—круглый нищій жалкій отбросъ киргизскаго общества, выдавленный имъ изъ своей среды, бѣжавшій отъ голодной смерти, кто въ городъ, кто въ деревни или станицы, искать—собачьей доли. На окраинахъ нашихъ здѣсь поселеній всегда можно замѣтить нѣсколько грязныхъ, отвратительныхъ кучъ всякаго навоза лѣтомъ, а зимою большихъ снѣжныхъ сугробовъ, надъ которыми, порою, откуда-то изъ незримыхъ отверстій поднимаются слабыя струйки дыма—это и есть жилище джатака; онъ влачитъ здѣсь свое ужасное, никому ненужное существованіе, худшее,—о, гораздо худшее,—чѣмъ у послѣдней собаки... Что онъ ѣстъ, чѣмъ онъ дышетъ, во что завертываетъ свое бѣдное, измученное тѣло!.. Подъ вліяніемъ неурядицъ и всякаго нестроенія среди киргизовъ страшно растетъ и это возмутительное явленіе—джатачество. Богатые и властные родовичи, ревниво охраняя каждую пядь своей земли отъ дѣлежа съ приростомъ населенія, никѣмъ не стѣсняемые, ничѣмъ не обуздываемые въ своихъ хищническихъ инстинктахъ, непрерывно выбрасываютъ отъ себя этотъ приростъ въ тѣ жалкія навозныя кучи, о которыхъ только-что было сказано ¹⁾).

Этой возмутительной эксплуатаціи бѣдняка и слабого обычное киргизское право никогда не служило, если не считать за обычай тѣ многочисленные фальсификаціи, тѣ подлоги въ завѣтахъ старины, которые неудачно плодили и теперь плодятъ народные вампиры, тщетно стараясь прикрыть ими и узаконить свой гнусный произволъ.

Вторымъ и самымъ важнымъ, пожалуй, средствомъ степныхъ пауковъ держать народъ въ кабалѣ всегда были и останутся вы-

¹⁾ Недавно, съ введеніемъ въ край крестьянскихъ начальниковъ, бѣдные джатаки воспріяли было надеждой на лучшую долю, но... скоро успокоились.

боры должностныхъ лицъ, волостныхъ управителей, старшинъ, старость и судей, которыхъ они всемирно стараются провести изъ близкихъ родичей, а если таковыхъ не хватаетъ, то изъ всегда имѣющейся въ запасъ толпы клеветовъ, вербуемыхъ изъ самыхъ отчаянныхъ народныхъ подонковъ—воровъ, мошенниковъ, лихоимцевъ, барантачей и т. п.—дѣятелей, уже не разъ, быть можетъ, посидѣвшихъ въ тюрьмѣ и „очистившихся“ только благодаря своимъ патронамъ, посылавшимъ на ихъ выручку въ судъ команду дрессированныхъ лжесвидѣтелей, удачно ихъ обѣлявшихъ. Этихъ проходимцевъ родовластители иногда даже предпочитаютъ на выборахъ своимъ родственникамъ, ибо послѣдніе, бывъ избранными, могутъ потомъ и пренебречь оказанною имъ поддержкой и предаться заботѣ только о своей собственной мощи, совсѣмъ забывая четвертое дѣйствіе ариѳметики; съ барантачами же этого никакъ не можетъ случиться, ибо они ежеминутно помнятъ о томъ, что тѣ же лжесвидѣтели, которые ихъ вытянули изъ бѣды, могутъ такъ же легко и закопать ихъ, что всѣ животишки ихъ подъ кулакомъ родовыхъ воротилъ, которые ихъ всегда могутъ раздавить, какъ мышку.

Нерѣдко цѣлая волости замѣщаются такимъ отрѣзкомъ народнымъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ цѣлая волости имѣютъ у себя должностныхъ лицъ, трогательно связанныхъ узами родства. Вотъ одинъ такой случай болѣе счастливаго сочетанія началъ семейнаго права и выборнаго: кандидатъ на должность волостного управителя—братъ управителя, народный судья аула № 1—его свать, аула № 2—своякъ, аула № 3—свать, аула № 4—также мужъ сестры, аула № 6—сродный братъ, аула № 7—своякъ... Во всей волости оставалось только два аула, гдѣ судьями были не родственники управителя и между собою.

Такія блага достаются однако нелегко... для этого надо побѣдить на выборахъ не мало соперниковъ, такихъ же жадныхъ и такихъ же отчаянныхъ, нужно устранить сильное треніе самыхъ разнообразныхъ интересовъ, а для такой побѣды нужно потратить много средствъ, иногда энергіи, ловкости.

Поэтому-то обыкновенно тихая, вялая, дремлющая степь, при наступленіи выборовъ, быстро пробуждается и конвульсивно хватается за дѣло. Прежде всего соперничающіе между собою роды, въ лицѣ ихъ воротилъ, каждый особо, собираютъ своихъ сторонниковъ, какъ выражаются киргизы,—„свою партію“, и на частныхъ сходахъ предпрѣшаютъ, кому изъ нихъ можетъ быть предоставлена

какая должность, при чемъ деликатно условливаются и о тѣхъ обязанностяхъ, какія они должны будутъ выполнять въ отношеіи другъ друга, въ случаѣ ихъ избранія (на долю многихъ изъ такихъ кандидатовъ выпадаетъ роль, увы, только губки). Засимъ, когда всѣ необходимые сдѣлки и договоры заключены и скрѣплены надлежащими гарантіями, главари приступаютъ къ культивировкѣ избирателей, т. е. той голодной, раболѣпствующей толпы, которая автоматически, по даннымъ ей сигналамъ, будетъ подавать свои голоса на выборахъ и не только голоса, а иногда и животъ; ибо бывають случаи, когда сталкиваются между собою два одинаково сильныхъ, вліятельныхъ рода,—тутъ выборная агитація принимаетъ такой острый характеръ и до того разъяряетъ людей ихъ партій, что стороны предпочитаютъ рѣшить свой споръ въ ратномъ полѣ; встають родъ на родъ, волость на волость, и начинается форменная баталія съ посылкою армій, съ раздѣленіемъ силъ на кавалерію и пѣхоту, съ засадами, атаками, съ убитыми и ранеными, съ воинской добычей и трофеями ¹⁾. Эта героическая форма устраненія соперниковъ на выборахъ близка сердцу киргиза; здѣсь его жизнь и вдохновеніе и всѣ его восторги, тутъ его удалъ, молодечество—богатырство его, тутъ его совершенно исключительная находчивость, сообразительность; въ этой выборной горячкѣ онъ нерѣдко забываетъ все остальное на свѣтѣ, теряетъ сонъ, аппетитъ, превращается въ какого-то бѣсноватаго, а потомъ объ этой порѣ долго—долго будетъ рассказывать съ такимъ энтузіазмомъ, такимъ сладостнымъ замираніемъ сердца... Но, конечно, благоразумный киргизъ всѣ способы къ устраненію соперника используетъ въ должной постепенности; на первомъ планѣ у него будетъ ложный доносъ, какъ средство и болѣе безопасное, и болѣе испытанное: имъ, какъ шрапнелью, сыплетъ киргизъ вокругъ себя во время выборовъ. Говоря вообще, нельзя утверждать, что доносъ, а тѣмъ болѣе ложный, былъ бы въ нравахъ, во вкусѣ киргиза, напротивъ, онъ порицается моралью народа; много презрительныхъ кличекъ есть для доносчика, существуетъ даже поговорка: „джазалы орунынъ беръ бете кара; джазалы айгактынъ еке бете кара“, т. е. у вора одна щека черная, а у ложнаго доносчика обѣ; по это ничего не значитъ, ибо въ припадкѣ

¹⁾ Подобная выборная „агитація“ имѣла, напр., мѣсто въ Семипалатинской области, на выборахъ въ 1903 году, когда пошли войной, одна на другую, двѣ волости, Бугулинская и Коконская.

мести все дозволено. . . Лжедоноситель обыкновенно такъ строчить: такого-то числа, тамъ-то, такой-то (соперникъ) убилъ или ограбилъ такого-то, а свидѣтели тому были такіе-то. Подписываются подъ такими доносами чаще всего не сами главари, а ихъ клевреты, чтобы въ случаѣ какой потомъ непріятности они же и отвѣтили. Если слѣдователь провѣрку доноса начнетъ до выборовъ, то къ нему явятся не всѣ свидѣтели, на тотъ случай, чтобы какъ нибудь безповоротно не погубить невиннаго человѣка, безъ особенной въ томъ необходимости; придетъ одинъ, рѣдко два; конечно, они подтвердятъ доносъ, и обвиняемый нерѣдко вмѣсто вкуснаго общественнаго пирожка отвѣдаетъ тюрьмы, а тою порою выборы окончатся, соперникъ уже не соперникъ, и тогда объявятся и остальные свидѣтели; эти послѣдніе постараются до того расшатать показанія первыхъ, что дѣло непременно провалится „по недостатку уликъ“. Если же слѣдователь, вообще начальство, разсердится и станетъ подкапываться подъ лжедоносителя и его свидѣтелей, то тогда выйдетъ такъ, что ни того, ни другихъ уже нѣтъ на семь свѣтѣ, или они „въ безвѣстной отлучкѣ“, или же ихъ отмѣтятъ—если то мѣстность дозволяетъ—„откочевавшими въ предѣлы Кітая“. Но въ порядкѣ 277 и 523 ст. уст. угол. суд. доносъ проваливается рѣдко; чаще онъ доживаетъ до судебнаго слѣдствія, и только здѣсь, послѣ долгаго и мучительнаго для судьи процесса выискиванія истины, въ этой зловонной, помойной атмосферѣ, благополучно лопаются, какъ мыльный пузырь. Какъ часто, въ минуты такой несносной работы, приходитъ на мысль судьи упечь злостнаго обманщика-лжедоносителя. . . , но вотъ тотъ изобличенъ, лежитъ плашмя передъ нимъ,—и что же? У судьи не подымается рука бросить въ него камень; ему кажется, что это не тотъ, кого ему хотѣлось упечь. . .

Былъ такого рода случай. Передъ выборами, нѣсколько киргизъ подали прошенія, обвиняя въ нихъ своихъ земляковъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, въ подтвержденіе чего ссылались на вѣскія доказательства; скоро было обнаружено, что всѣ эти тяжкіе преступники были кандидатами на избраніе отъ противной стороны, что дало поводъ опытному слѣдователю усомниться въ правдивости доноса и не торопиться съ его разслѣдованіемъ; тѣмъ временемъ выборная горячка прошла, страсти улеглись, и всѣ оговоренные въ доносѣ опять стали въ отношеніи доносителей тѣмъ же, чѣмъ были до выборовъ,—близкими, добрыми сосѣдями и хорошими знакомыми. Какъ же быть? Неужели погубить ихъ? . . . И вотъ 697 кир-

гизовъ подаютъ въ окружный судъ прошенія слѣдующаго содержания:

„Мы, нижеподписавшіеся и приложившіе печати и тамги киргизы Чоргинской волости, заявляемъ, что въ 1898 г. у насъ въ волости существовала партійная вражда, предшествовавшая выборамъ должностныхъ лицъ, и мы подговорили киргизъ: Смаила Дюненова, Бекджира Мыхтыбаева, Рахмета и Сакарія Мушуковыхъ, Джаксыбая Бердыбекова, Салыке Чиликпаева, Богоня Кошумбаева, Джолумбета Ералина, Бегембая Джолумбетова, Селеймена Жангудѣева, Солукпая Барбанова подать жалобы на киргизовъ противной намъ партіи, ложно обвиняя ихъ въ грабежахъ, при чемъ мы не имѣли въ виду навлекать на обвиняемыхъ нами киргизъ какое бы то ни было преслѣдованіе, а стремились только, чтобы уѣздный начальникъ устранилъ всѣхъ ихъ отъ выборовъ своею властью, не думая также, чтобы подговоренные нами на ложные доносы могли быть преслѣдуемы за ихъ легкомысленныя жалобы; цѣли повредить симъ лицамъ у насъ не было. Въ виду изложеннаго мы всѣ, преданные слуги Русскаго Царя, просимъ окружный судъ простить лицъ, преслѣдуемыхъ за ложный доносъ, при чемъ повторяемъ, что вышепоименованныя лица сдѣлались невинными жертвами нашего легкомыслія, невѣжества и вкоренившихся въ нашу жизнь киргизскихъ обычаевъ степи. Если же судъ не найдетъ возможнымъ оправдать вышепоименованныхъ лицъ, то мы просимъ судъ о возможной снисходительности къ жертвамъ нашего подстрекательства и о ходатайствѣ о помилованіи вышеозначенныхъ лицъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ Всемилоостивѣйшимъ нашимъ Императоромъ“.

Не правда-ли, какъ это просто, какъ это похоже на то, когда Вавя и Петя напроказятъ, а потомъ бѣгутъ къ папенькѣ, чтобы тотъ простилъ ихъ? Не могли же эти шалуны, въ числѣ которыхъ было 8 народныхъ судей и 7 аульныхъ старшинъ, не знать, что ихъ признаніе можетъ навлечь на нихъ тяжкую кару, и тѣмъ не менѣе они шли навстрѣчу этой карѣ, никѣмъ и ничѣмъ извнѣ къ тому не побуждаемые.

Заговоривъ о лжедоносахъ, кстати будетъ замѣтить, что такъ разрѣшаются только тѣ лжедоносы, которые дѣлаются съ цѣлью устранить соперничество на выборахъ. Далеко не такъ просто бываетъ съ лжедоносами, напр., изъ чувства родовой вражды, мести; въ этихъ послѣднихъ доноситель нерѣдко утрачиваетъ все человѣческое въ отношеніи къ своей жертвѣ и навсегда; на сценѣ звѣрь,

жестокій, изступленный, въ немъ все сожжено этимъ чудовищемъ—мestью, подъ тяжкимъ бременемъ котораго онъ изнемогаетъ, но не сдается. Вотъ одинъ примѣръ. Волостной управитель, этотъ всесильный степной набобъ, систематически преслѣдовалъ одного киргиза, довелъ его до полнаго разоренія; но ему и этого показалось мало, онъ замыслилъ устроить его высылку совсѣмъ изъ волости, какъ вреднаго, негоднаго человѣка. Измученный непрерывными гоненіями, бѣдный киргизъ, въ отчаяніи, порѣшилъ мстить. Но какъ, чѣмъ?.. Надъ этимъ вопросомъ онъ много думалъ, перебиралъ запаленною мыслью различные способы и ни на чемъ не могъ остановиться. Отъ этихъ думъ, горячихъ и бесплодныхъ, онъ совсѣмъ изсохъ; сосѣди это видѣли и смѣялись надъ нимъ...

Однажды, весь отдавшись тяжкому раздумью, сидѣлъ бѣдный человѣкъ у порога своей убогой юрты, уставивъ мутный взоръ въ извивавшуюся, пыльную дорожку, убѣгавшую въ синеватую даль степного простора. „Тамъ, тамъ онъ“,—думалось киргизу. И вдругъ на этой дорогѣ показался всадникъ. Киргизъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, вскочилъ на ноги. „Это онъ“,—злобно прошипѣлъ несчастный и бросилъ отъ себя двухлѣтняго малютку сына, рѣзвившагося у него на колѣняхъ. Ребенокъ заревѣлъ, а отецъ дико, гадко захохоталъ... Черезъ минуту онъ шелъ навстрѣчу управителю и, стянувъ съ головы старый, рваный молохай, весь согнувшись, скорчившись въ столь знакомую каждому управителю фигуру рабской покорности, низко кланялся, прикладывая правую руку къ головѣ и къ груди, въ знакъ почтенія къ высокой особѣ народнаго избранника. На управителя такая приниженность и такое раболѣпіе его злѣйшаго супостата должны были произвести пріятное впечатлѣніе, онъ задержалъ лошадь и слегка кивнулъ головой, киргизъ между тѣмъ протягивалъ къ нему дрожавшія руки и въ словахъ, полныхъ горя и раскаянія, умолялъ простить, такъ какъ Богъ уже наказалъ его за его несправедливую злобу на управителя, у него ребенокъ, играя, проглотилъ камень и сейчасъ умираетъ. Киргизъ метался, вылъ, хваталъ за стремя, взывая о прощеніи, послѣ котораго и Богъ его проститъ и помилуетъ и вернетъ ему его дитя. Сцена эта произвела смягчающее дѣйствіе на горделивое сердце волостного владыки, и онъ рѣшилъ проявить великодушіе къ пресмыкавшемуся у его ногъ врагу, сказавъ, что заѣдетъ посмотреть,—можетъ еще не поздно, еще можно спасти. Киргизъ, казалось, совсѣмъ рехнулся отъ радости, и, желая чѣмъ либо отблагодарить за такую великую милость, замѣтивъ, что съ скуластаго, жирнаго управительскаго

лица скатывались капли пота, робко вставилъ, что у него есть холодный кумысъ; пора стояла знойная, когда ни одинъ киргизъ на свѣтѣ не откажется освѣжить утробу этимъ любимымъ народнымъ напиткомъ: управитель тихонько толкнулъ стремя и, стройно колыхаясь въ глубокомъ сѣдлѣ, мелкой иноходью направился къ юртѣ бѣдняка, чернѣвшей подобно кучѣ навоза на самомъ краю аула, а за нимъ, еще больше согнувшись, съ непокрытой головой бѣжалъ сіявшій необыкновеннымъ счастьемъ киргизъ. Управитель, однако, не удостоилъ сойти съ лошади, и киргизъ опреметью бросился въ юрту, откуда вскорѣ вынесъ прохладительное и подалъ управителю, но не успѣлъ тотъ сдѣлать и одного глотка, какъ киргизъ, дико сверкнувъ глазами, бросился къ ползавшему не-вдали его ребенку, схватилъ его и изо всей силы бросилъ подъ ноги управительскому иноходцу, а другой рукой въ то же мгновенье пырнулъ животное чѣмъ-то въ бокъ, лошадь бѣшено взвилась на дыбы и, сдѣлавъ въ воздухѣ два-три пируэта, грузно опустилась... что-то взвизгнуло, хрустнуло, и все было кончено: отъ маленькаго киргизенка остался комочекъ чего-то страшно изуродованнаго, запачканнаго пылью и кровью. Эта неожиданность повергла управителя въ состояніе столбняка, а отецъ раздавленнаго ребенка, отпрянувъ въ сторону, разразился дикимъ, нечеловѣческимъ визгомъ и хохотомъ. Выбѣжавшая на эту сцену мать, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, съ такимъ же визгомъ и воплемъ бросилась въ аулъ искать защиты отъ „канъ ишера“ (кровопійцы) управителя, довершившаго свою ненависть къ ея мужу убійствомъ ихъ старшаго сына... Все это было такъ естественно, такъ правдоподобно, а вопль отчаянія несчастной матери дѣйствовалъ такъ неотразимо на сердца добрыхъ людей, что, когда они сверхъ всего еще приняли во вниманіе и то, что управитель ранѣе никогда не бывалъ въ юртѣ своего заклятаго врага, а теперь вдругъ пріѣхалъ, да еще одинъ на одинъ, то для всѣхъ уже стало ясно, какъ день, что бѣдные люди не лгутъ, что этотъ шайтанъ изъ злобы къ киргизу, изъ мести за его непокорность дѣйствительно убилъ ихъ старшаго сына. Аразъ, у добрыхъ людей сложилось такое убѣжденіе, у нихъ пробудилось и участіе къ бѣднякамъ, и они уже никакъ не могли удержаться, чтобы тутъ же, сію минуту, не предложить себя въ свидѣтели-очевидцы всему, что случилось... Одна „почтенная“ байбиче прекрасно видѣла, какъ этотъ толсторожій „мундеръ“ (негодяй) схватилъ маленькаго—именно за правую ножку и бросилъ подъ ноги своей бѣшеной лошади... и какъ эта лошадь топтала малютку долго-долго, „до тѣхъ поръ,

пока не разmozжила ему голову“,—подхватила другая, столь же почтенная обитательница аула, а тамъ еще третья, словомъ, оказалось, что весь аулъ былъ очевидцемъ ужаснаго преступленія, благодаря чему, въ нѣсколько мгновеній, картина убійства была восстановлена во всѣхъ ея потрясающихъ подробностяхъ.—Тогда всѣ сосѣди еще больше зашумѣли, загалдѣли, настоятельно требуя, чтобы родители жаловались. Вѣдь нельзя же этого такъ оставить, вѣдь надо же, чтобы и бѣднаго киргиза наконецъ выслушали; надо непременно, чтобы запретили управителю топтать чужихъ дѣтей; вѣдь дѣти вовсе не для того, чтобы ихъ топтали ногами лошади,—кто же этого не знаетъ... Растерявшійся было вначалѣ управитель, подъ вліяніемъ угрожающаго настроенія толпы, быстро пришелъ въ себя и порѣшилъ удрать, что еще болѣе усилило общую увѣренность въ его виновности и общее противъ него возбужденіе; одна изъ дамъ аула рѣшилась на отчаянный поступокъ, она грохнулась о землю, начала биться головой, болтать ногами и завывала при этомъ такимъ страшнымъ, дикимъ голосомъ, что у всѣхъ забѣгали мурашки подъ кожей, особливо послѣ того, какъ она стала произносить какія-то, никому не понятныя, но страшныя слова, можетъ быть, то были тяжкія заклинанія, отъ которыхъ управителю, конечно, не сдобровать, а, можетъ быть, это было что либо и того хуже... Другія дамы, увлеченныя примѣромъ, чтобы не заслужить упрека въ безучастіи, подняли такой шумъ и гамъ, отъ котораго общее возбужденіе противъ управителя достигло крайнихъ предѣловъ. Кто-то изъ мужчинъ потребовалъ сейчасъ же связать управителя,—даже несмотря на то, что его уже и слѣдъ простылъ.

Добрые люди не ошиблись въ томъ, что этотъ случай такъ не пройдетъ,—всѣ они были выслушаны, получили возможность подтвердить доносъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, и управитель ушелъ, куда уходятъ всѣ подобные ему люди... И только ужъ много времени спустя счастливый сыноубійца рассказалъ своимъ близкимъ, какъ все было на самомъ дѣлѣ,—какъ онъ ловко отмстилъ за себя шайтану управителю.

Припоминаю и еще одинъ случай, изъ подобной же категоріи, но уже окончившійся не въ пользу лжедоносителя: киргизъ, „желая навлечь“, какъ было сказано въ обвинительномъ актѣ, „уголовное преслѣдованіе на другого киргиза, ложно заявилъ, что тотъ нанесъ его снохѣ тяжкіе побои, отъ которыхъ та разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ, при чемъ для приданія правдивости этому

доносу, похитилъ изъ могилы трупъ мертворожденнаго другою киргизкою и выдалъ его за ребенка снохи, не бывшей беременною“... Сложная, но и наивная махинація лжедоносителя легко провалилась, и авторъ ея понесъ тяжкую кару за свое увлеченіе. Когда у него спросили на судѣ,—не нужно ли ему копій, чтобы обжаловать приговоръ, онъ насупился, вздохнулъ и глухо, коротко отвѣтилъ: не нужно.—Куда ему было жаловаться? Развѣ онъ могъ бы рассказать все, какъ было, съ самаго начала, а если бы и рассказалъ, то кто бы его понялъ, когда онъ и самъ теперь не понималъ того жестокаго, неотразимаго, что привело его къ безразсудному шагу.

Но, повторяю, это лжедоносы не выборной агитаціи; тѣ не столь жестоки и не влекутъ къ такому трагизму.

Конечно, для того чтобы удачно оперировать ложными доносами и при выборахъ и вообще, необходимо было устранить изъ судебного обихода одну непріятную мелочь—обязанность показывать правду; и киргизъ этого достигъ, онъ намъ лжетъ преоткровенно, и эта ложь подчасъ бываетъ до того ярка и до того нагла, что приводитъ въ отчаяніе даже друзей народа. Даже отъ нихъ приходится слышать не только о какихъ нибудь дефектахъ, неудачахъ въ постановкѣ киргизскаго свидѣтельства на судѣ, а просто на просто—о нравственной гнилости киргизскаго народа вообще.

Мы нѣсколько остановимся на этомъ важномъ вопросѣ, такъ какъ киргизскія лжесвидѣтельства—это, дѣйствительно, ахиллова пята правосудія въ краѣ, хотя—напередъ скажемъ—видѣть въ нихъ доказательство безнравственности народа или его неготовности къ воспріятію благъ нашего суда и нашей культуры—мы отказываемся; трудно было бы произнести столь рѣшительный приговоръ народу, который стоитъ еще только у дверей культуры и, если не входитъ въ нихъ, то потому лишь, что его туда не пускаютъ. Каждый шагъ киргиза, — конечно, внѣ обстоятельствъ исключительныхъ, какъ, напримѣръ, выборная эпидемія, родовая вражда, месть и т. п., въ которыхъ самое понятіе о правдѣ у киргиза исторически сложилось рѣзко несогласное съ нашимъ,—могъ бы доказать, что онъ всѣми силами рвется и къ нашей правдѣ, и къ нашей справедливости, но, увы, мы сами отталкиваемъ его, кричимъ ему всегда одно и то же—изыдите оглашенніи...

Да и помимо того: зачѣмъ такъ придираются къ этимъ обиженнымъ, обойденнымъ дѣтямъ природы; право, въ ихъ лживости нѣтъ ничего такого, что намъ не было бы давно и хорошо знакомо.

Почему ложь, этотъ могущественный факторъ въ современномъ строѣ общественныхъ отношеній, встрѣчаемый всюду, отъ лакейской до дворца, гдѣ—какъ необходимость или обычай, а гдѣ—и какъ доблесть, наводитъ на такія обидныя и похоронныя умозаключенія въ мрачной обстановкѣ аула, въ жизни полудикаго инородца? Развѣ подобный вопросъ не могъ бы предложить киргизъ?..

Слѣдуетъ отличать сознаніе правды въ народѣ отъ его правдооборота; первая у киргиза есть, а второй усвоивается воспитаніемъ.

Дѣти часто и помногу лгутъ, но безнравственности ихъ въ этомъ никто не видитъ, а лишь дурную привычку.—Наши киргизы, да и не только они, а всѣ инородцы, всѣ эти жалкіе пасынки культуры, — самоѣды, остяки, тунгусы, сойоты, омоки, аринцы, чуванцы, юбагиры, коряки, чукочь и тѣ, что выше: якуты, кавказскіе горцы, буряты, сарты, туркмены, башкиры, калмыки и пр. и пр.,—всѣ они намъ лгутъ ¹⁾, но эта лживость только ихъ дѣтски дурная привычка, которую всѣ они навѣрно бросятъ, какъ только окружающая ихъ среда начнетъ давать имъ лучшіе образцы и уроки.

Но, такъ какъ до этой улики еще не такъ близко, то понятно, какъ больно достается здѣсь и намъ, и нашему дѣлу. Въ особенности мы огорчены тѣмъ, что киргизы не совсѣмъ-то чтятъ нашу присягу, это, пока что, единственное наше средство, по выраженію Каята, „къ вымогательству правдивости“. Хотя и въ этомъ случаѣ основою нашего огорченія—отчасти наше недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что, примѣняя свою присягу въ такой некультурной, полудикой средѣ, какъ большинство нашихъ инородцевъ, мы, само собою разумѣется, рассчитываемъ не на ихъ нравственную возбудимость, а съ одной стороны—на религіозныя ихъ представленія, на ихъ воображеніе, съ другой—на чувство страха, обращая ее въ угрозу тяжкими, матеріальными карами, за противодѣйствіе цѣлямъ нашего правосудія. Отсюда ясно, что, если въ нашей присягѣ инородецъ не видитъ ничего для себя религіознаго и если его представленіе о грѣхѣ разошлось съ нашимъ, то такая присяга и не можетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, какія мы отъ нея ожидаемъ.

¹⁾ О лживости, напимѣръ, кавказскихъ горцевъ въ судахъ, и ихъ собственныхъ, словесныхъ и нашихъ, обратившейся уже въ обычай, въ особенности было много писано.

Представьте себѣ, что костромичу или ярославцу предложили присягнуть на дулѣ винтовки, какъ тунгусу, или на поздрахъ медвѣдя, подобно сойоту, или на шаманскомъ камнѣ, какъ буряту,—неужели костромичъ и ярославецъ почли бы для себя такую присягу святостью, а нарушеніе ея тяжкимъ грѣхомъ?!. Вотъ въ такомъ же точно положеніи оказывается и нашъ киргизъ, когда даетъ намъ присягу—„въ открытомъ судебномъ засѣданіи, предъ лицомъ духовной особы, на священномъ свиткѣ Корапа“.... Именно эта самая „духовная особа“ первая и уронила въ его глазахъ всякій смыслъ нашей присяги, разъяснивъ ему, что это не присяга, а просто ничто, что даже грѣхъ великій исполнить клятву, данную предъ судомъ нечистыхъ гяуровъ, что Богъ не слышитъ этой клятвы, она не доходитъ до него и для правовѣрнаго она ничтожнѣе пылинки; Богъ не далъ нечестивымъ гяурамъ познать Его святую истину, а потому, чѣмъ лучше правовѣрный скроетъ ее отъ нечистаго, тѣмъ больше и его заслуга предъ Богомъ. И вотъ благодаря подобнымъ внушеніямъ наша „торжественная“ присяга давнымъ давно обратилась для киргиза въ пустую, бездушную, оцѣпенѣлую форму; это давно всѣмъ извѣстно, и претендовать за это на киргиза мы могли бы съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ сойотъ преслѣдовалъ бы москвича за то, что тотъ дерзнулъ нарушить святость присяги, данной имъ на шкурѣ убитаго медвѣдя.

Означаетъ ли все это, что у киргиза не существуетъ обязательной для него клятвы?—Конечно, нѣтъ; выше было замѣчено, что издревле народъ зналъ присягу свою собственную, которую мѣтко называлъ—отданіемъ души, „джанъ беру“; этою присягою киргизъ отдаетъ всю свою душу, всю правду свою, безъ остатка ¹⁾. При-

¹⁾ Отъ этой клятвы можетъ освободить киргиза только тотъ, въ пользу кого она дана, и это освобожденіе имѣетъ также свое характерное названіе—выкупъ души—„джанъ садагасы“. Невозможно ничѣмъ соблазнить киргиза измѣнить этой клятвѣ, ни даже какими либо ухищреніями, подобными тѣмъ, какія практикуются у насъ самихъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго. Одинъ остроумный истецъ въ судебномъ спорѣ изъ-за права владѣнія участкомъ земли, съ цѣлью облегчить свидѣтелямъ—мужичкамъ дачу ложныхъ подъ присягой показаній, придумалъ такой способъ; насыпалъ имъ въ сапоги земли съ другого—безспорно его участка и приказалъ имъ въ этихъ сапогахъ быть на осмотрѣ судьей спорнаго участка, съ тѣмъ, что, когда судья спроситъ ихъ: извѣстно ли имъ кому принадлежитъ эта, осматрѣнная ими земля, они отвѣчали бы судѣ слѣдующее: земля, по которой мы тогда за вами ходили, г. судья, съ предѣковъ и до сего времени принадле-

сяга эта имѣеть у него свою особенную обстановку, составляющую для него столь же священный и дорогой пережитокъ, какъ, на-примѣръ, для вѣрующаго еврея клятва въ смертномъ саванѣ, предъ зажженными свѣчами, послѣ присяги переламаваемыми. Обстановка эта имѣеть нѣсколько разновидностей, изъ которыхъ, кажется, наиболѣе почитается клятва на обнаженной груди друга; измѣнѣ этой клятвѣ киргизъ всегда и не колеблясь предпочтетъ смерть.

Полная ничтожность въ глазахъ киргиза нашей присяги въ особенности рѣзко бросается въ глаза и тяжело даетъ себя чувствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ замѣчено было выше, религіозно-этическое представленіе киргиза разошлось съ нашимъ не только въ формѣ, но и въ существѣ.

Раньше говорилось, въ какой полной и всесторонней зависимости находится киргизъ у своего рода и его старѣйшинъ; пусть эта зависимость мало по малу уступаетъ новымъ формамъ быта, все-же она еще очень сильна; индивидуальность киргиза, его освобожденіе отъ родовыхъ цѣпей—еще въ пеленкахъ, еще онъ не только чувствуетъ, но сознаетъ, что весь онъ, такъ сказать, только тѣнь, отбрасываемая его родомъ.

Конечно, поддерживать этотъ механизмъ родовой власти однимъ только страхомъ матеріальной силы было бы мудрено, страхъ всегда и всюду бывалъ плохимъ союзникомъ, какъ средство, хотя и весьма эффектное, но не прочное и въ дѣйствиіи своемъ коварное. Надо было подѣйствовать и на свободную душу народа, на его вѣрованія, дабы онъ служилъ своимъ земнымъ пенатамъ не только за страхъ, за шкуру, но и за совѣсть. И вѣковое воздѣйствіе въ этомъ направленіи увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Много знаетъ случаевъ наблюдательный киргизъ, въ которыхъ Богъ поражалъ своимъ страшнымъ гнѣвомъ непокорныхъ роду и его старѣйшинамъ, и можетъ назвать не меньше случаевъ великой милости къ тѣмъ, кто былъ вѣренъ и покоренъ имъ. Бываетъ, на-примѣръ, что во снѣ шайтанъ станетъ соблазнять человѣка измѣнить роду; если этотъ человѣкъ не глупѣе козленка, онъ непре-

жить истцу. Мужичкамъ эта „штука“ очень пришлась по душѣ, и они слово въ слово повторили эту фразу на судѣ подъ присягой, послѣ чего судья, которому, конечно, и въ голову не могло прійти, въ чемъ тутъ заключалась штука, призналъ искъ доказаннымъ, а свидѣтели также были покойны, ибо они были правы земля въ ихъ сапогахъ, подъ ихъ ногами была несомнѣнная истцова. Полагаю, что такая игра ума была бы не во вкусъ киргиза, принимающаго присягу—джанъ беру....

жѣнно проснется, сотворить молитву и послѣ такого сна ровно два дня ничего не предприметъ, ибо всякое предпріятіе до этого срока непремѣнно будетъ имѣть несчастный исходъ. Да и не только во снѣ, а и на яву иногда бываетъ, что шайтанъ разными путями начнетъ подбивать человѣка измѣнить роду, но только развѣ глупая баба не разберетъ, въ чемъ тутъ дѣло, другой же никто на эту удочку никогда не поддастся...

Первородство, старѣйшинство, древность рода и перушимость его связей—вотъ главнѣйшія истины, данныя человѣку отъ Бога. Твердо и убѣжденно стоитъ матерой киргизъ подъ знаменемъ этихъ истинъ и съ гордостью бережетъ его, какъ воинъ на брани. Конечно, гдѣ же не бываетъ этихъ шалопаетъ, которые все готовы высмѣять,—чрезъ лошадь на овцу глядѣть, но для нихъ у такого знаменосца—киргиза всегда наготовѣ рассказъ о такомъ случаѣ изъ жизни отцовъ и дѣдовъ, отъ котораго хоть кто замолчитъ и прикуситъ себѣ губу.

И какой же благомыслящій киргизъ дерзнетъ послѣ этого присягнуть во вредъ своему роду, посягнуть на святость заповѣдей Бога и завѣтовъ старины?!

Вотъ въ этой разницѣ нѣкоторыхъ нашихъ и киргизскихъ воззрѣній и заключается вторая причина народной склонности не отдавать намъ души своей, т. е. скрывать отъ насъ то, обнаруженіе чего можетъ повредить этимъ воззрѣніямъ. Возьмите, на примѣръ, тамырство—дружбу, которая для киргиза имѣетъ несравненно большую силу и значеніе, чѣмъ наше, часто выдохшееся въ одну формальность, родство; требовать отъ него, чтобы онъ обнаружилъ вамъ что либо, служащее къ пагубѣ его друга, совершенно напрасно: онъ еще ранѣе нашей присяги поелялся жизнью—не выдавать друга и защищать отъ всѣхъ и всего до самой смерти и эту клятву онъ не нарушитъ. Но кромѣ того: если бы мы вдумчивѣе отнеслись къ матеріальному существу родовой организаціи у киргизовъ, мы бы, даже съ нашей точки зрѣнія, не признали бы ихъ свидѣтелями по многимъ дѣламъ, а непремѣнно стороною въ дѣлѣ, лицами прикосновенными къ нему, близко заинтересованными въ его исходѣ матеріально. По киргизскимъ обычаямъ, на примѣръ, въ случаѣ присужденія чего либо съ родовича и его нежеланія платить, или несостоятельности, въ уплатѣ за него отвѣтствуютъ всѣмъ своимъ животомъ остальные члены его рода; какіе же они свидѣтели, они или истцы—или отвѣтчики.

И если мы, несмотря на все это, придираемся къ бѣдному

степняку и требуемъ, чтобы онъ—въ одномъ случаѣ въ интересахъ какой-то ему невѣдомой нашей правды измѣнилъ той святой и вѣчной своей правдѣ, которую онъ всосалъ вмѣстѣ съ молокомъ матери и за нарушение которой ему грозитъ здѣсь стыдъ и презрѣніе, а съ того свѣта вѣчное проклятіе предковъ, а въ другомъ случаѣ, чтобы онъ своимъ показаніемъ выдалъ намъ свою же, быть можетъ, послѣднюю коровенку,—то на неискренность киргиза въ обоихъ этихъ случаяхъ едва-ли можно сердиться, а называть безнравственнымъ лжецомъ только некультурнаго или наивнаго человека едва-ли справедливо.

Вотъ одинъ случай, который покажетъ, до чего этотъ „безнравственный лжецъ“ въ самомъ дѣлѣ наивенъ и дѣтски легкомысленъ въ сношеніяхъ съ судомъ.

Послѣ какого-то дѣла, въ которомъ предъ судомъ прошла цѣлая процессія присяжныхъ лжесвидѣтелей и несмотря на это ему все-таки удалось какъ-то нащупать истину, одинъ изъ свидѣтелей, выслушавъ приговоръ суда, покачалъ головой и съ дѣтскимъ простодушіемъ и радостнымъ выраженіемъ лица протянулъ руку одному изъ чиновъ канцеляріи, похваливъ судъ за его проницательность, съ какою онъ догадался и разобралъ все то, что у нихъ тамъ происходило на самомъ дѣлѣ.

— „Ой бай, ой бай, какъ тяжело теперь нашему брату въ такомъ судѣ“,—съ лукавой ироніей говорилъ лжесвидѣтель, намекая на провалившася въ этомъ дѣлѣ лже-обвинителя.

— „Какъ можешь ты хвалить судъ, когда самъ же давалъ показанія въ пользу обвинителя“,—замѣтилъ ему чиновникъ.

— „Эхъ, таксырь (господинъ), развѣ ты не понимаешь, что мы не могли иначе? вѣдь онъ самъ тутъ, не видишь развѣ? Смотри, какой онъ красный“.

На одной изъ заднихъ скамеекъ дѣйствительно сидѣлъ багровый, вспотѣвшій, рестерянно поводя вокругъ своими маленькими, рысьими глазками, этотъ „онъ“, оберъ-паукъ степной, изобрѣвшій это гнусное дѣло съ единственной цѣлью сбросить съ своего пути на предстоящихъ выборахъ опаснаго себѣ конкурента, такого же паука, только поменьше калибромъ; сурово нахмурясь и барабани жирными пальцами по колѣнамъ, онъ соображалъ будущее: сейчасъ онъ возьметъ „копіа“, и айда къ адвокату—„судебная палата можетъ и другой законъ поставить“.—Рядомъ съ нимъ сидѣли, протянувъ между колѣнъ свои руки его лжесвидѣтели, свѣсивъ низко головы; на ихъ рабски лукавыхъ, скуластыхъ лицахъ отра-

жалась одна безграничная покорность, готовность претерпѣть за то, что они провалили своему владыкѣ его важное дѣло, хотя вины въ томъ не было никакой, они показывали—„бульно хорошо, лучше и не надо бы“....

Среди этихъ лжесвидѣтелей были и такіе однако, на лицахъ которыхъ сквозила трудно сдерживаемая усмѣшка; это тѣ немногіе еще, у которыхъ уже началось пробужденіе къ свѣту, къ новой правдѣ; оно теперь и сказалось въ этой хорошей усмѣшкѣ, отразившей первую маленькую побѣду свободного народнаго сознанія надъ кабалой обычая....

Еще недолго, еще побольше добрыхъ, дружныхъ усилій, и наше святое солнышко сдѣлаетъ свое дѣло—согрѣетъ и раскроетъ намъ сердца этого добраго, дѣвственнаго народа, разбудить его спящую мысль, и тогда эти барантчи нашей правды уйдутъ въ воспоминаніе.

Но для этого—Кароагенъ долженъ погибнуть, долженъ сойти съ нашего просвѣтительнаго пути этотъ властный еще покровитель лжи и обмановъ, всего мрачнаго и злобнаго—киргизскій народный судъ. Здѣсь, въ этой гнусной школѣ народъ знакомится и съ тѣмъ, что такое лжесвидѣтельство, приучается къ нему и вкушаетъ первые плоды торговли словомъ и совѣстью. Не будь этого очага народной заразы, никогда, быть можетъ, намъ не пришлось бы здѣсь такъ часто и такъ позорно отступать и уступать на глазахъ недоумѣвающей топлы, познающей въ этомъ только одно, что „законъ твой, таксырь,—не хватать; киргизъ большой башка, ума большой“. Много омерзительнаго наблюдается здѣсь въ этой картинѣ борьбы двухъ органовъ одной и той же государственной власти!.... Два агента одного и того же правительства, два суда устроились и оперируютъ на совершенно не только противоположныхъ, но и враждебныхъ одно другому началахъ—одинъ тянетъ „все выше и впередъ“, другой—все ниже и назадъ; и оба они пользуются однимъ и тѣмъ же покровительствомъ, дѣйствуютъ отъ имени одного и того же закона, одного и того же правительства.

Коснемся еще одного явленія въ жизни степей, порождаемаго чаще всего тою же местью и злобою, волнующими киргиза въ періодъ выборовъ, благополучное существованіе котораго обусловлено, главнымъ образомъ, тѣмъ же патологическимъ состояніемъ народно-судебной расправы, *баранты*. Кто не слышалъ чего нибудь объ этомъ страшномъ бичѣ народнаго благосостоянія въ жизни нашихъ степей? Невозможно учестъ, сколько силъ народныхъ уно-

ситъ или растлѣваетъ эта самая ужасная изъ всѣхъ „сибирскихъ язвъ“

Баранта—это похищеніе скота, чаще лошадей, свободно пасущихся въ необозримомъ просторѣ степей. Если она вызвана выборною агитаціею, то она всегда совершается по предварительно обдуманному плану, главарями партій; втихомолку они все обдумаютъ, взвѣсятъ и спустятъ со своры лихихъ барантачей-воровъ, которыхъ всѣ главари, равно какъ и должностныя лица туземной администраціи, держатъ при себѣ или укрываютъ, чтобы пользоваться при случаѣ ихъ услугами и пособничествомъ.

Темною почкою эти барантаци, на лихихъ скакунахъ своего „хозяина“, подобно вихрю налетятъ на сонный табунъ противника и быстрѣе взора отгонятъ изъ него столько, сколько имъ приказано. Конечно, за спиною у нихъ раздается пронзительно визгливое—„аттанъ, аттанъ“ (призывъ къ помощи) и грознымъ эхомъ понесется вслѣдъ, но развѣ легко задержать барантача, когда онъ, съ гикомъ и свистомъ, взвивая за собой столбы пыли подобно урагану, несется по степи, удирая отъ погони.... Поднятый, испуганный этимъ спеціальнымъ крикомъ барантача, несется съ нимъ вмѣстѣ и похищенный табунъ,—уже не табунъ, а вихрь, который никому не сдержать.

Да и не всякому бываетъ охота ловить, преслѣдовать барантача. Баранта—это своего рода спортъ въ степи, много говорящій мятежному сердцу киргиза. Въ барантѣ столько бравой отваги и удали, столько молодецкихъ свойствъ батыря, что у киргиза подчасъ захватываетъ духъ отъ однихъ разсказовъ о его удалыхъ подвигахъ; не мало людей, дотолѣ совсѣмъ неизвѣстныхъ, прославились на всю степь, пріобрѣли общее удивленіе и расположеніе именно лихими и ловкими своими налетами. Вотъ почему, если киргизъ и встрѣтитъ барантача, несущагося съ поля брани, онъ чаще всего не тронетъ его, а остановится и будетъ любоваться захватывающей его картиной. Если же этотъ барантачъ еще и батырь, то киргизъ его не только не тронетъ, а еще и укроетъ и пріютитъ; замѣчательно, что и лошадь какъ будто узнаетъ барантача,—никогда ни у кого она такъ не мчится, какъ подъ его молодецкимъ гикомъ.

Итакъ, баранта совершена удачно; но потерпѣвшій остался этой удачей недоволенъ, и, такъ какъ въ степи при ужасной болтливости ея населенія скрыть что либо очень трудно, то ему и удается открыть, если не похищенное, то похителей; онъ обратится къ суду—своему народному въ томъ случаѣ, если сами судьи

не были этими барантачами или не состоятъ въ одной съ ними шайкѣ, въ противномъ же случаѣ—къ „русскому суду“.

Но бѣда тутъ вотъ въ чемъ: извѣстно, что русскій судъ дѣлъ о кражѣ между киргизами не принимаетъ; поэтому необходимо придать случаю недостающую ему квалификацію: надо сказать, что воры связали пастуховъ, стрѣляли въ нихъ; и киргизъ все это придумаетъ и сочинитъ все весьма хорошо, гладко, только бѣда въ томъ, что такія выдумки до того часты и до того однообразны, что слѣдователь непременно отнесется къ нимъ съ подозрѣніемъ, станетъ придирается и въ результатѣ обнаружитъ фальсификацію . . . , и баранта,—этотъ, быть можетъ, возмутительнѣйшій изъ всѣхъ фактовъ степной жизни, остается безнаказаннымъ,—по неподсудности его „русскому суду“. Неужели же только изъ-за этой неподсудности государство можетъ спокойно взирать на это ужасное народное бѣдствіе, разоряющее и растлѣвающее огромную страну, держащее ее въ вѣчныхъ судорогахъ страха взаимной злобы и мщенія?

Если ужъ правственная сторона въ этомъ дикомъ разбойничьемъ разгулѣ не возмущаетъ насъ и не занимаетъ, то неужели же и быстро прогрессирующее разореніе миллионнаго населенія—тоже ничто?!....

Нѣтъ, скорѣе должны мы раскрыть наши двери передъ этимъ бѣднымъ, многострадальнымъ народомъ, такъ жестоко обремененнымъ его мрачнымъ невѣжествомъ, не отталкивать его слабыхъ, протянутыхъ къ намъ рукъ, не смѣшивать священнѣйшую изъ нашихъ здѣсь обязанностей—обязанность культуры и просвѣщенія, съ какою-то бездушною „неподсудностью“.

Короче сказать, надо, наконецъ, дать судъ трехмилліонному населенію, а не эту отвратительную пародію его ¹⁾.

¹⁾ Неужели, на примѣръ, вотъ такую глупую шалость можно назвать судомъ? „Проситель Аксуйской волости Сентъ Алій Кубеевъ, а по его довѣренности Коробай Джапановъ показалъ: киргизъ Джангырбай Мынбаевъ выкралъ одного жеребца и одну кобылу, стоящія 90 руб., и расходовъ (?) тридцать руб. прошу дѣло это разобрать и присудить. Отвѣтчику Джангырбаю Мынбаеву вызовъ былъ объявленъ, но на сѣздѣ онъ не явился. Мы, народные судьи сѣзда, разобрали дѣло и, имѣя въ виду, что отвѣтчику вызовъ былъ объявленъ, но онъ на сѣздѣ не явился, въ виду чего постановили заочное рѣшеніе: взыскать съ Мынбаева семьдесятъ руб. и тридцать руб. расходовъ въ пользу довѣреннаго Коробай Джапанова, а за попустокъ на исправленіе поведенія посадить его въ тюрьму на одинъ годъ. (Безъ всякихъ доказательствъ, только по одному голословному

И тотъ судъ, котораго киргизъ такъ ждетъ, который ему такъ нуженъ, это долженъ быть нашъ судъ, судъ мировой; онъ живо напомнимъ ему его собственный, стародавній, незабвенный для него судъ биевъ.... Тотъ былъ также скоръ и открытъ и простъ и въ немъ то же говорилось, то же внушалось, что и въ нашемъ ¹⁾).

Чтобы не быть голословнымъ, приведу здѣсь нѣсколько образчиковъ древней киргизской морали, нѣкогда прививавшейся народу дѣятельностью его биевъ.—„Любить и миловать очень хорошо, но быть справедливымъ гораздо лучше. Напрасно будешь беномъ, если не обладаешь справедливостью. Ложное слово уничтожаетъ истину. У справедливаго бия (судьи) не было родственниковъ, у виляющаго нѣтъ совѣсти. Пока ты живъ,—учись. Гдѣ твое знаніе, если ты не простишь незнанія. Совѣтуйся съ тѣмъ, кто хотъ одну рубашку раньше тебя износилъ. Когда сумѣешь взяться за дѣло—и снѣгъ загорится, когда не сумѣешь—и масло не вспыхнетъ. Если между многими стариками одно дитя—оно умнѣетъ, если между множествомъ дѣтей одинъ старикъ—онъ глупѣетъ. Стыдъ хуже смерти. Доброе имя лучше богатства. Протягивай ноги по одѣялу. Человѣкъ безъ приличія, это лошадь безъ узды. Если жена твоя сварлива,—что пользы тебѣ отъ спокойствія цѣлаго народа. Если твой сапогъ тѣсенъ, что пользы тебѣ отъ обширности міра. На безлюдьѣ всегда свиньи впереди. Земля безъ горъ не бываетъ, народъ безъ власти не бываетъ. Если начальство нейдетъ по пути справедливости, то оно идетъ по спинамъ народа. Государь, это солнце для всѣхъ одинаковое. Два человѣка для одного—Богъ. Не тотъ рабъ, кто отъ рабыни рожденъ. Кто тебя ударитъ камнемъ, ударь того пшцей. Кланяющемуся кланяйся до земли, передъ задирающимъ голову—поднимай до неба. Послѣ того какъ врагъ схватилъ тебя за горло, собака схватить тебя за полу. Нѣтъ врага сильнѣе жены, она незамѣтна, ибо лежитъ въ объятяхъ. Кормившаго тебя день благодари сорокъ дней. Не всегда довѣрляй другу, ибо у твоего друга можетъ быть также другъ, съ которымъ онъ откровененъ. Если ты будешь преслѣдовать труса, то и онъ станетъ храбрымъ. Не говорить лучше, чѣмъ говорить,—

заявленію назвавшагося повѣреннымъ истца). Народные судьи Балтабай Мусинъ, Смаилъ Оторбековъ. Предсѣдатель Молдобай Сарсенинъ“. (Копія съ рѣшенія Ямышевскаго чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей. 7 января 1903 года).

¹⁾ Объ этомъ сходствѣ прежняго киргизскаго народнаго суда съ нашимъ мировымъ, въ рѣш. Прав. Сената 9 января 1889 г. № 17.

изъ тысячи словъ лишь одно обладаетъ убѣдительностью. Можно говорить медъ, но во рту отъ этого сладко не будетъ. Пока умный думаетъ, глупый уже дѣлаетъ. Умному намекъ, глупому дубина. Палка проходитъ по мясу, а слово по костямъ. Кто не торопится, тотъ зайца догонитъ и на телѣгѣ. Не гони коня на-гайкой, гони кормомъ. Не сули желаній съ гору, дай счастья съ палецъ. Не пой пѣсню другихъ, свою пой. Не бери ту, которую видѣлъ сквозь дверь, бери ту, которую видѣлъ съ колыбели. Не тѣ собаки побѣдятъ, которыя больше, а тѣ, которыхъ больше“.

Неправда ли, что все это совсѣмъ не такъ далеко отъ того, чему насъ когда-то учили и что мы охраняемъ и караемъ въ нашихъ судахъ. А большее знакомство съ жизнью народа несомнѣнно открыло бы намъ и еще много такого, что сказало бы не о преждевременности пріобщенія киргизовъ къ нашей культурѣ, а, наоборотъ, о томъ, какъ бы не опоздать намъ съ этимъ дѣломъ, дабы лъву рыкающую поменьше жертвъ осталось...

Я не хотѣлъ оспаривать того, что и въ формахъ, и въ существѣ общежитія киргизскаго народа, въ его правовыхъ между собою отношеніяхъ, встрѣчаются типичныя особенности въ родѣ, на примѣръ, сдѣлокъ по калыму, тамырству, о кунахъ, „джилу“ (обязательное вспомоществованіе рода, впавшему въ несчастіе, его члену) и другія, но я того мнѣнія, что всѣ такія особенности легко могутъ ужиться, безъ всякаго ущерба для народа, и при нашемъ судѣ, какъ уживается все подобное у другихъ народностей. Сфера народныхъ обычаевъ не чужда нашимъ судамъ (ст. 130 уст. гражд. суд.), а кромѣ того ежедневный опытъ убѣждаетъ, что среди киргизовъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе развивается склонность всѣ свои сдѣлки облекать въ форму, усвоенную нашими судами, и совершать у нотаріусовъ, не столько затѣмъ, чтобы сообщить имъ большую устойчивость, сколько затѣмъ, чтобы благодаря этому средству, въ случаѣ спора, избѣжать разбирательства въ ненавистномъ киргизу его „народномъ судѣ“, такъ какъ по дѣйствующему въ краѣ закону всѣ такія сдѣлки народному суду не подвѣдомы. Въ силу этого суды наши и теперь уже вѣдаются со всѣми этими джилу и тамырствомъ и всѣмъ остальнымъ, при чемъ не нарушаютъ ни своего достоинства, ни правды народной, ни смысла и формы его обычая. Но этого мало: съ цѣлью добиться, во что бы то ни стало, права обращаться въ наши суды, среди киргизовъ въ самое послѣднее время стало замѣчаться стремленіе—даже фальсифицировать свои обычаи, поддѣлываться подъ

наши порядки; и какъ досадно это: обычаи народа несомнѣнно засоряются, а гдѣ и вовсе исчезаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и лучшій, живоносный источникъ народнаго права. Здѣсь кстати пожалѣть о томъ, что повелѣніе еще Императрицы Екатерины „составить уложеніе на основаніи народныхъ обычаевъ киргизовъ“ съ 1778 г. и по сей день осталось мертвою буквою! Конечно, кодификація инородческихъ обычаевъ дѣло не легкое, но все-же—120 лѣтъ, какъ хотите... Вотъ англичане, напримѣръ, тѣ удосужились: у нихъ имѣется прекрасный сборникъ обычнаго права индійскихъ владѣній („хидая“), составленный, кстати. замѣтить,—русскимъ же подданнымъ!..

Въ сборникѣ киргизскихъ обычаевъ встрѣчается насущная потребность въ томъ случаѣ, если это чудище, обло, озорно и лаяй—киргизскій народный судъ—будетъ продолжать влачить свое позорное существованіе, ибо продажные народные судьи въ своихъ рѣшеніяхъ подчасъ выдвигаютъ, вмѣсто дѣйствительныхъ, такіе „народные обычаи“, отъ которыхъ, какъ выражается киргизъ, „свѣча тухнетъ“. Каждый такой судья выдаетъ за народный обычай свой собственный вымыселъ и кладетъ его въ основу своему рѣшенію; сколько судей, столько и обычаевъ...

Въ одномъ случаѣ народный судья, признанный виновнымъ въ вымогательствѣ большаго, чѣмъ сколько по обычаю ему слѣдовало, вознагражденія за судейскій трудъ (бійлыкъ), жаловался Правительствующему Сенату на то, что „русскій“ судъ ошибся въ истолкованіи народнаго обычая, и доказывалъ, что этимъ обычаемъ ему, вполне разрѣшалось его вымогательство. Сенатъ внялъ бію и затребовалъ отъ суда „точныхъ“ свѣдѣній о томъ: есть ли такой обычай въ дѣйствительности; но откуда же судъ могъ знать это? Конечно, онъ обратится съ этимъ вопросомъ къ администраціи, а та—къ тѣмъ же народнымъ судьямъ, въ частности, можетъ быть, и къ тому самому, который подалъ жалобу... Само собою разумѣется, онъ далъ Сенату „точные“ свѣдѣнія!.. Подобное же недоразумѣніе возникло однажды при разрѣшеніи вопроса о томъ, допустимо ли въ народныхъ судахъ постановлять заочныя рѣшенія; только вопросъ этотъ вносился уже не въ Сенатъ, а въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и то рѣшило очень просто; если есть такой обычай, то что же, дерзайте (1882 г. 9 августа № 147); а такъ какъ и въ этомъ случаѣ обнаружить истину народныхъ обычаевъ было не легко, то и вышло, что въ одной мѣстности начальство держится такого мнѣнія, что заочныя рѣшенія обычаемъ народа

допустимы, а въ другой, смежной,—что отнюдь недопустимы; такъ и судять... Случается поэтому такъ, что кто либо, ничего не зная, сидитъ себѣ дома или собирается на выборы, какъ вдругъ къ нему джигить: такъ и этакъ, пожалуйста въ тюрьму по заочному рѣшенію, на полтора года!..

Послѣ всего сказаннаго о киргизскомъ народномъ судѣ, самъ собою напрашивается вопросъ, что же дѣлать съ нимъ? Мѣстные люди, вдоволь насмотрѣвшіеся на всѣ его многократные и многообразные подвиги, не колеблясь, отвѣчаютъ: упразднить.

И надо признаться, что эта операція была бы самою удачною. Никогда нашъ собственный судъ не разовьетъ здѣсь всѣхъ своихъ силъ, не припесетъ всей ожидаемой отъ него пользы краю, пока между нимъ и народомъ будетъ стоять это чудовище, этотъ очагъ заразы, все отравляющій и все парализующій; пока чрезъ посредство его мы сами своими руками будемъ не пускать лучи нашего солнца въ мрачную юдоль несчастнаго народа, на встрѣчу этимъ пасынкамъ судьбы, обремененнымъ тьмою и тяжкими неправдами, укоризненно напоминающимъ намъ о невыполненной нами въ отношеніи ихъ нашей священнѣйшей, исторической обязанности на окраинѣ.

Мы рѣшительно отказываемся вѣрить тому, чтобы помѣхою въ этомъ случаѣ могли быть соображенія о какой-то неготовности инородцевъ къ воспріятію нашей культуры, и утѣшаемъ себя мыслью, что единственнымъ препятствіемъ и въ этомъ дѣлѣ являются деньги; тѣ самыя деньги, изъ-за которыхъ, напримѣръ, судебная реформа въ Сибири, признанная крайне необходимою, даже „неотложною“ еще въ 1862 г., могла осуществиться только въ 1897 г., т. е. 35 лѣтъ спустя!.. И если въ то время ни высшая власть Сибири, въ лицѣ ея генералъ-губернаторовъ, единодушно и настойчиво требовавшихъ этой реформы, ни бойкая и неустанная пропаганда такихъ яркихъ сибиряковъ, какъ Ядринцевъ, Загоскинъ, Вагинъ и др.,—ничего не могли подѣлать съ этимъ упрямымъ рублемъ, такъ тѣмъ болѣе не подъ силу эта борьба съ нимъ Степному краю, да еще въ настоящее безвременье.

Да, это трудный вопросъ, но его все-таки надо рѣшить и какъ можно скорѣе. Замѣчаніе, что мировые судьи, которыми пришлось бы замѣнить народный судъ, будутъ бѣгать, а участки ихъ пустовать,—неважно, ибо ихъ и теперь слѣдовало бы отнести къ населенію кочующему; молодежь смотреть на свое здѣсь пребываніе—какъ на почтовую станцію, гдѣ нетерпѣливо ждетъ только, пока

перепрягутъ ему лошадокъ, чтобы ѣхать дальше и дальше... На первомъ году прїѣзда сюда грустятъ и ругаются, на второмъ подаютъ докладныя записки или пишутъ убійственныя письма, а на третьемъ—уже распродаютъ „домашнія вещи“ и нетерпѣливо ждутъ приказа. Не хуже сего, значить, будетъ и впереди. Конечно, неудобство отъ этихъ переселеній можно бы значительно ослабить, если бы по крайней мѣрѣ для худшихъ изъ трущобъ чаще примѣнялась 18 ст. правилъ 2 іюня 1898 г... Всегда найдутся вполне достойные секретари суда или прокурора, да и другіе чины судебныхъ канцелярій, которые по своимъ способностямъ, по своему богатому, практическому опыту и по своей прекрасной служебной выправкѣ, были бы вполне достойными мировыми судьями, которые, къ тому же, сознавая, что для нихъ, какъ не имѣющихъ образовательнаго ценза, ожидать болѣе нечего, крѣпко держались бы своего мѣста и, несомнѣнно, принесли бы гораздо больше пользы и дѣлу и населенію, чѣмъ кочующіе цензовики.

Но, если ужъ судьба киргизскаго народнаго суда такова, что съ агоніей его еще намъ долго придется возиться, то необходимо поискать такихъ палліативовъ, которыми можно было бы хотя сколько нибудь горю помочь. Болѣе удачнымъ изъ нихъ намъ кажется тотъ, съ помощью котораго, какъ сказано въ заключеніи Министерства Юстиціи въ 1897 г.,—могло бы состояться „постепенное поглощеніе киргизскаго народнаго суда судомъ русскимъ“, лучшимъ средствомъ для чего могло бы служить обращеніе нынѣшней, весьма обширной, подсудности народныхъ судовъ, выражающейся въ уголовной сферѣ тюрьмою до 18 мѣсяцевъ, а въ гражданской—всякими исками, безъ ограниченія суммы. Наказаніе тюрьмою, къ которому киргизскіе судьи по преимуществу склонны прибѣгать, въ особенности возбуждаетъ много сомнѣній, такъ какъ оно, во-первыхъ, вовсе неизвѣстно народному обычному праву (адату), которымъ по закону киргизскій народный судъ только и обязанъ руководствоваться, а, во-вторыхъ, примѣняется судомъ не столько въ видѣ наказанія за преступленіе, сколько какъ средство мести въ партійной борьбѣ, помогающее держать противника въ вѣчномъ страхѣ.

Увеличеніе случаевъ пересмотра и отмѣны рѣшеній народныхъ судовъ судами русскими столь же необходимо. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы постановить, что сверхъ случая, указаннаго въ 218 ст. Туркест. полож., рѣшенія народныхъ судовъ отмѣняются, когда: а) сими рѣшеніями нарушены общечеловѣческія

понятія справедливости и челоѣколюбія, б) когда доказано, что судьи въ рѣшеніи дѣла руководствовались не народными обычаями, къ чему они обязаны (ст. 210 того же положенія), а личнымъ произволомъ, и в) когда приведенные въ рѣшеніи обычаи противны основнымъ законамъ имперіи.

Послѣднее ограниченіе въ особенности было бы желательно и плодотворно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Туркестанскомъ краѣ, въ судахъ свирѣпствуетъ нашъ супротивникъ шаріатъ.

Какъ вамъ поправятся, на примѣръ, такіе подвиги тамошнихъ казыевъ (судей),—притомъ не гдѣ либо въ глуши, а въ самомъ центрѣ высшей, русской власти въ краѣ, столицѣ его, Ташкентѣ.

Нѣкто присужденъ въ тюрьму на 4 мѣсяца за то, что, зайдя въ домъ знакомаго своего, пилъ тамъ пиво и игралъ на дутарѣ (мѣстный музыкальный инструментъ), въ чемъ судья усмотрѣлъ „занятіе протившаріатнымъ дѣломъ“.

„За хожденіе ночью по базару, что по шаріату также не полагается“,—въ тюрьму на одинъ мѣсяць.

Сартъ обвинялся въ прелюбодѣянніи; судья, признавъ обвиненіе недоказаннымъ, подсудимаго оправдалъ, но за то, что онъ „зашелъ въ чужой домъ съ дурными намѣреніями“, присудилъ его въ тюрьму на 12 мѣсяцевъ!..

Киргиза, за выдачу его дочери за того, кто ей нравился, а не за того, кто уплатилъ калымъ, хотя послѣдній и былъ возвращенъ, судья присудилъ въ тюрьму на два мѣсяца.

За появленіе женщины на улицѣ съ открытымъ лицомъ—въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ.

Но вотъ шедевры:

Сартянку за ношеніе *русскаго* платья—въ тюрьму на полтора года!..

За оказаніе сопротивленія шаріату—арестъ 30 дней.

За подачу магометаниномъ на русскую церковь 15 копеекъ, въ каковомъ поступкѣ судья усмотрѣлъ оскорбленіе ислама,—въ тюрьму на два мѣсяца!.. ¹⁾

Что это? Государство своими руками казнить за оказаніе помощи господствующей въ государствѣ церкви!.. Да вѣдь это же не приговоръ, это позоръ намъ, это кощунство! Какъ себя чув-

¹⁾ Статья г. Трегубова въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“, Декабрь 1903 года.

ствуешь тамъ прокурорскій надзоръ!... И неужели тутъ не примѣнима 10 ст. уст. угол. суд.?

Что же удивительнаго, если отъ такихъ примѣровъ зарождается и поддерживается въ инородческомъ населеніи и вражда къ намъ, и увѣренность въ нашей слабости и безсиліи, которыя всегда вызываютъ въ восточномъ человѣкѣ, сверхъ всего,—презрѣніе.

Вотъ для такихъ-то случаевъ въ особенности и необходимо расширить уже не право, а обязанность русской судебной власти пересмотра народно-судебныхъ рѣшеній, дабы сократить такія выходы не въ мѣру расходившагося узаконеннаго беззаконія.

Заговоривъ о необходимости раздвинуть рамки контроля надъ судебной инородческой дѣятельностью въ краѣ, нельзя не коснуться здѣсь одного вопроса, весьма щекотливаго, но однако такого, который уже не разъ бывалъ на концѣ языка у многихъ окраинскихъ людей: не сосредоточить ли надзоръ за организаціей и дѣятельностью киргизскаго народнаго суда въ Министерствѣ Юстиціи?

Мнѣнія на этотъ счетъ разныя; но въ настоящее время, когда Высочайше повелѣно—„въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній внести должное единство въ устройствѣ судебной въ имперіи части“,—было бы своевременнымъ приступить къ разрѣшенію и этого, по нашему мнѣнію, весьма насущнаго вопроса.

Было время, когда киргизскій инородческій судъ составлялъ собою нераздѣльную часть управленія краемъ и, какъ таковой, всегда имѣлъ важное значеніе для администраціи, съ которой всегда требовалась совмѣстность и согласованность его дѣйствій, нахожденіе его всегда подъ рукой, какъ важнаго вспомогательнаго органа. Но времена тѣ прошли, административная власть въ краѣ окрѣпла, сконцентрировалась, взяла себѣ все, что ей было нужно, бросила все, что ей болѣе не надо, что отслужило ей свою службу, и должно было поцести участь отработаннаго пара.

Именно такимъ отработаннымъ паромъ и сталъ для нея теперь киргизскій народный судъ, а въ силу этого должно было, конечно, ослабѣть и прежнее ея участіе къ его судьбѣ, смотрѣніе за нимъ и руководство, благодаря чему этотъ судъ, въ настоящее время, въ общемъ строѣ учрежденій края производитъ впечатлѣніе чего-то оторваннаго, безхозяйнаго, лишеннаго прежней ор-

ганицеской связи съ администраціею и лишь формально къ ней примкнутого—„прихвостня“ ея ¹⁾).

Если это дѣйствительно такъ,—что въ настоящемъ киргизскій народный судъ призванъ обслуживать лишь частныя правоотношенія населенія, то не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, этому блудному дѣтищу прійти въ лоно своей матери, вѣдающей судебное дѣло всей имперіи.

Эта мѣра, упорядочивъ дѣятельность народныхъ судовъ, обуздавъ однихъ, занявшись перевоспитаніемъ другихъ, тѣмъ самымъ оказала бы нравственную поддержку и русскому суду въ краѣ.

А. Зубовъ.

¹⁾ Хорошій примѣръ. Прибывъ на съѣздъ народныхъ судей, крестьянскій начальникъ былъ непріятно удивленъ большимъ количествомъ дѣлъ, что могло отнять у него много дорогого времени. Припомнивъ, что въ народныхъ судахъ всѣ безъ исключенія дѣла могутъ окончиться примиреніемъ, онъ только спросилъ управителя: было ли предложено сторонамъ помириться; сметливый управитель прекрасно попалъ душевное настроеніе начальника и, поговоривъ по своему съ наро́мъ, устроилъ такъ, что въ десять минутъ изъ 697 дѣлъ о кражѣ 690 окончились примиреніемъ!..